

ТЕОРИЯ

Л.Е. ГРИНИН

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

§ 1. Движущие силы исторического развития. 2. О роли личности в истории. § 3. Об общественном прогрессе и его критерии

Развитие понимается обыкновенно так, как будто оно необходимо предполагает, что во всем существует внутреннее стремление стать чем-то высшим; но это ошибочное понимание развития. Развитие во всех случаях определяется взаимодействием внутренних и внешних факторов. Это взаимодействие выработывает известные изменения...

Г. Спенсер

Но, как это всегда бывает в мире, то, что вначале явилось лишь счастливым случаем или способом выжить, было медленно преобразовано и использовано как орудие прогресса и завоевания.

П. Тейяр де Шарден

В первой главе мы достаточно обстоятельно поговорили о законах. Высказанные в этой связи мысли в ряде случаев могут служить методологической основой для решения и других философских проблем истории. Ведь вопросы и о ее движущих силах, и о прогрессе, и некоторые другие можно представить как особые общественные законы, точнее систему законов, объединенных общим принципом.

Собственно эти концепции и возникли в связи с попытками открыть главные закономерности исторического развития. Многие ученые полагали, что существует ведущая причина (фактор), которая определяет ход истории и составляет сущность основного общественного закона. Распространенными также были мнения, что прогресс имманентен обществу, движение к нему составляет смысл истории и ее универсальный закон. Ясно, что проблемы движущих сил и прогресса оказались тесно связанными, а в некоторых теориях главный фактор развития и критерий прогресса и вовсе совпадали.

Стоит подчеркнуть, что указанные законы толковались именно в классическом плане, то есть как всеобъемлющие, абсолютные и непреложные. И до сих пор в тех школах, которые считают данные темы традиционно важными, не избавились от подобного объективизма. Думается, что это также одна из главных причин того, почему другие философские течения просто отказываются от подобных понятий. Однако игнорирование указанных проблем не снимает вопросов ни о степени значимости различных факторов в историческом развитии, ни о направлении этого движения, ни многих других, не только не надуманных, но, напротив, и теоретически, и методологически очень важных.

Представление категорий «движущие силы» и «прогресс» как законов может оказаться удачным приемом. Но только если трактовать их не объективистски, а в том смысле, который я отстаивал в предыдущей главе. Практически это означает, что законы видятся не независимыми от нашего сознания, а как условно выделенная этим сознанием сторона действительности. Поэтому они должны восприниматься не как одинаковые для всех ситуаций, абсолютно верные и одновариантные, а как множество более или менее сходных случаев, объединенных общими подходами, выводами, логикой, правилами соответствия и интерпретации. Сами формулировки законов должны учитывать эту неодинаковость (например, принимать вид пропорции или соотношения). Следовательно, применение законов к конкретным проблемам требует использования принципа относительности и строгого учета их уровня, мас-

штаба, типа и ряда других вещей. А выводы, полученные для одних случаев, не могут механически использоваться для других без соответствующих процедур.

Тогда вопросы о движущих силах и прогрессе наконец-то смогут из разряда бесплодных идеологических споров, дискуссий о почти абсолютных истинах перейти в число практически важных научных проблем. Тем самым они, конечно, потеряют статус все объясняющих теорий. Но зато можно будет глубже задуматься над тем, как построены эти категории, какие общие правила и принципы связывают столь большое разнообразие, какие соотношения здесь существуют и как использовать полученные выводы в качестве значимых методологических посылок.

И последнее замечание. Понятия «история» и «историческое развитие» (и даже «исторический процесс») нередко используются как синонимы. Иногда это допустимо, но порой ведет к неучету того, что первый термин гораздо объемнее двух остальных. Ведь история – это широкий контекст, включающий не только развитие, но и упадок, застой, круговорот, уничтожение и т. п. Историческое развитие и процесс могут быть поняты лишь в рамках этого контекста, но они неравны ему по объему. Хочу уточнить, что в этом исследовании, как и в данной главе, речь идет главным образом именно о развитии и даже уже – процессе.

§ 1. Движущие силы исторического развития

Традиционный термин «движущие силы», на мой взгляд, хорош не только тем, что привычен, но и тем, что ясно выражает суть идеи: показать те силы, которые способствуют развитию. Как известно, в историософии есть и аналогичные ему: факторы, причины и др. Эти понятия я буду использовать как взаимозаменяющие.

В нашей науке понятие движущих сил обычно нераздельно связано с понятием источников развития. Различению их посвящено много усилий, и существуют разные точки зрения по этому поводу¹⁴¹.

¹⁴¹ См., например: Материалистическая диалектика. Т. 4. Гл. XI.

Вслед за другими я также долго полагал, что есть смысл акцентировать внимание на этом делении¹⁴². Однако в последнее время пришел к выводу, что употребление двух терминов как одноуровневых и однопорядковых лишь усложняет дело. Вполне достаточно одного общего – движущие силы. А уже их можно делить на типы. В зависимости от того, кто какое значение вкладывает в понятие «источники развития», они могут входить в следующие пары: ведущие к обычным или к качественным изменениям, внутренние и внешние; ведущие к возникновению противоречия и разрешающие его и другие. Словом, термин «источники развития», на мой взгляд, разумнее представить как один из многих типов движущих сил, хотя для некоторых задач и действительно очень (иногда – исключительно) важный.

Если подходить к понятию научного закона как нашего представления о действительности (а не как независимой от нашего сознания истины), то проблему анализа движущих сил исторического развития можно сформулировать следующим образом. **Как объединить в одну концепцию огромное разнообразие длительных и кратких, глобальных и локальных, объективных и субъективных причин, чтобы она не давала априорных ответов на конкретные вопросы и в то же время позволяла построить иерархию движущих сил и переходить с уровня на уровень, а также помогала искать решение многих теоретических и практических задач? Что и говорить, дело нелегкое¹⁴³.** В этом параграфе я постарался наметить принципы решения такой проблемы.

Если историю рассматривать как некие поучительные анекдоты, жизнеописания и т. п., то для историка в целом понятно, где искать причины событий: в случайностях, общест-

¹⁴² И различал их так: силы, способные вести к изменениям, – движущие; силы, которые могут вести к **качественным** изменениям, – источники развития (см.: Гринин Л. Е. Философия и социология истории... Ч. 1. С. 54).

¹⁴³ Оно усложняется и отсутствием различных терминов для хотя бы двух крайних уровней движущих сил: мирового и конкретного эпизода. Введение разных названий для таких понятий было бы желательным. Но, к сожалению, в данном случае, кажется, это вряд ли удастся сделать. Термин этот идеологизирован, многозначен, имеет значительные традиции употребления и т. п. Поэтому придется ограничиться эпитетами вроде: глобальные – локальные и держать проблему уровней в уме.

венной и личной борьбе, в особенностях личностей, характеров и т. д. Легче говорить о причинах и тогда, когда история предстает как повторяющийся цикл: так предопределено, это судьба, вечный закон рождения и смерти и прочее. Если говорить о ней как о процессе, как о переходе от низшего к высшему, от примитивного к более сложному и совершенному, то необходимо показать и обусловленность (а не случайность) такого развития, и его узловые моменты, и, само собой, те силы и законы, которые объясняют это развитие¹⁴⁴. Причем если за главные причины берутся деятельность гениальных людей, великие идеи и т. п., то роль личности в истории преувеличивается и даже мистифицируется. А если – иные, например, материальные факторы, то, наоборот, умаляется. Здесь корни до сих пор острого спора о свободе и необходимости, «героях и толпе» и прочем.

Проблема обозначения сил, стоящих за Историей, чаще всего до XVIII–XIX вв. решалась с позиции провиденциализма и эсхатологии. Но с развитием науки многих ученых, как в свое время Лапласа, такие объяснения все менее устраивали, и они переставали нуждаться в «этой гипотезе». В результате поиск движущих сил общества вылился в поиск «архимедова рычага» истории, то есть главной причины, которая бы объяснила все развитие¹⁴⁵.

На первое место ставились самые разные движущие силы, чаще других – личности, идеи, некоторые материальные или социальные факторы (рост населения, географическая среда, производство, собственность и т. д.). Достаточно хорошо их классифицировал П. А. Сорокин¹⁴⁶, которого я и хочу процитировать. «Одни выдвигают в качестве такого решающего

¹⁴⁴ «Когда история понимается как процесс, важнейшим вопросом становится проблема ее движущих сил» (Семенов Ю. И. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. М., 1996. С. 143).

¹⁴⁵ Особенно, по словам Сорокина, этот вопрос выдвинулся со времен обоснования социологии О. Контом (Сорокин П. А. О так называемых факторах социальной эволюции // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 522).

¹⁴⁶ Разные подходы к данной проблеме также хорошо и интересно описаны у Ю. И. Семенова (см.: Семенов Ю. И. Указ. соч. Раздел 3). Можно упомянуть в этой связи и книгу И. А. Гобозова «Введение в философию истории» (М., 1993; см.: Гл. 3. § 1).

фактора географические и климатические условия: климат, флору, фауну, ту или иную конфигурацию земной поверхности – горы, моря и т. д. (Л. Мечников, Ратцель, Мужоль, Маттеуци и др.); другие – чисто этнические условия, главным образом, борьбу рас (Гумплович, Гобино, Аммон и др.); третьи – чисто биологические факторы: борьбу за существование, рост населения и др. (М. Ковалевский, Коста и др.); иные – экономические факторы и классовую борьбу (марксизм); многие, едва ли не большинство, – интеллектуальный фактор: рост и развитие человеческого разума в различных формах – в форме аналитических, чисто научных знаний (Де-Роберти, П. Лавров), в форме мировоззрения и религиозных верований (О. Конт, Б. Кидд), в форме изобретений (Г. Тард); некоторые выдвигают в качестве такого основного фактора свойственное человеку, как и всякому организму, стремление к наслаждению и избегание страданий (Л. Уорд, Паттэн); иные – разделение общественного труда (Дюркгейм и отчасти Зиммель) и т. д.»¹⁴⁷

Далее он делает вывод, вполне справедливый и по сегодня: «Как видно из сказанного, число теорий факторов чрезвычайно велико, и одного уж этого факта достаточно, чтобы заключить, что каждый из социологов односторонен и не вполне прав. Но вместе с тем теория каждого из них разработана и доказана автором настолько основательно, что едва ли есть возможность отрицать частичную правоту каждой теории»¹⁴⁸.

Разумеется, теории постоянно усложнялись: вводились комбинации факторов, сами причины развития стали представлять сложным процессом (вспомним хотя бы идею Маркса о соответствии производственных отношений производительным силам). Еще О. Конт отмечал среди общих причин и такие, «которые модифицируют существенную скорость социального развития»¹⁴⁹. Но в целом надежда найти главные причины и законы истории продолжала жить.

¹⁴⁷ Сорокин П. А. Указ соч. С. 522.

¹⁴⁸ Сорокин П. А. Он также оказался прав, утверждая, что «будущее не упразднит эту проблему, как думает М. М. Ковалевский» (Сорокин П. А. Указ соч. С. 523).

¹⁴⁹ Конт О. Основные законы социальной динамики, или Общая теория естественного прогресса человечества (Философия истории. Антология / Под ред. Ю. А. Кимелева. М., 1995. С. 119).

По мере того, как это становилось все более сомнительным, усиливались позиции плюралистов¹⁵⁰, то есть тех, кто полагал, что развитие надо объяснять совокупным сочетанием многих факторов, «из которых каждый так или иначе связан с массой остальных»¹⁵¹.

Также стали популярными требования отказаться от историко-социологических теорий и описывать историю по совету Ранке так, «как это собственно происходило». Но попытка отделить историю от законов, в конечном счете, не оправдала себя. Поэтому стремление представить ее не просто нагромождением изолированных фактов и причин, а процессом по-прежнему имеет логико-методологическую привлекательность и даже своего рода магнетизм.

В XX веке история продолжала быть вовлечена «в движение, подобное движению маятника: в течение какого-то периода она пыталась точнейшим образом узнать свое прошлое, затем, наоборот, она стремилась понять законы своего развития, чтобы потом вновь вернуться к своей первой задаче»¹⁵². Очень влиятельным стал системно-структурный метод, который позволил во многом по-новому увидеть взаимоотношения частей внутри общества, причины как стабильности, так и развития обществ и т. д.

Однако в целом в западной науке усилились боязнь или неприятие глобальных обобщений. В результате существенно уменьшился по сравнению с прошлым интерес и к проблемам движущих сил (особенно сквозных), хотя отдельные направления исторического развития, например экономические макроциклы, активно изучались. По мнению Ю. И. Семенова,

¹⁵⁰ К числу сторонников этого течения принадлежит немало социологов, работающих в ряде отдельных социальных дисциплин, а равно и теоретиков общей социологии. К этой категории относятся: Дюркгейм, Леви-Брюль, Парето, Эллвуд, Ковалевский, Кареев, Зиммель, Петражицкий и др.

Все они смотрят на историческое явление не как на уравнение с одним неизвестным, а как на уравнение со многими неизвестными, которые невозможно решить с помощью одного фактора» (Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 188).

¹⁵¹ Слова М. М. Ковалевского (Цит. по: Сорокин П. А. О так называемых факторах... С. 522).

¹⁵² Дюбюк А. История на перекрестке гуманитарных наук (XII Международный конгресс исторических наук). М., 1970. С. 3.

плюрализм (многофакторность) остается наиболее популярным подходом в западной общественной науке¹⁵³.

Многофакторность, бесспорно, гораздо лучше однобокости, поскольку не давит на исследователя и дает некое подобие теории: с одной стороны, признаются важность многих движущих сил и отсутствие среди них самой главной, с другой – возможность в том или ином контексте принять за главную почти любую из них или особую их комбинацию.

Но это единство не имеет, фигурально говоря, крыши, то есть не обобщено на самом высоком уровне, а значит, нечетко, аморфно, расплывчато. И если такие подходы могут быть достаточными при исследовании отдельных не слишком больших периодов истории, то они становятся малопригодными или даже бесполезными при анализе исторического процесса в целом¹⁵⁴. Не этим ли, в том числе, объясняются малые успехи западной науки в решении многих принципиальных проблем, например, периодизации исторического процесса, использования идеи законов в истории и т. п.?

В нашем общественном сознании также наметилось подобное направление, которое повторяет ошибки зарубежной науки в отношении скептицизма и игнорирования общей теории. Такая реакция на догматизм и объективизм вполне понятна. Но, думается, это путь в тупик. Для того же, чтобы не отказаться от очень важной и удобной идеи единства исторического процесса и в то же время не впасть в схематизм и однобокость, надо попытаться охватить разные подходы одной концепцией. Но решение, вероятно, лежит в иных направлениях, чем обычно думают. Ни поиск самого главного фактора, ни аморфность

¹⁵³ «Суть ее состоит в том, что исторический процесс объявляется результатом параллельного и равнозначного воздействия многих факторов: экономического, политического, идейного, психологического, биологического и т. п., из которых ни один не является определяющим, хотя в зависимости от исторических условий один из них может выйти временно на передний план, потеснив остальные» (Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 159).

¹⁵⁴ Можно согласиться со следующим утверждением: «Хотя употребление термина «факторов теория» вошло в традицию, он является неверным, ибо «претендует» на наличие теории факторного подхода. Однако такая теория (которая должна была бы содержать типологию факторов, принципы их выделения и др.) на практике отсутствует. В связи с этим вместо термина «факторов теория» логичнее было бы употреблять термин «факторный подход» (Философская энциклопедия. Т. 5. С. 301).

плюрализма не дадут его. **Нужно перейти от многих альтернативных и взаимоисключающих теорий к разработке идей, которые способны их интегрировать. Для этого необходимо совместить принципы плюрализма и монизма. Это поможет меньше исказить реальность и одновременно избирать в тех или иных рамках главные силы, что позволит структурировать теорию исторического процесса и делать ее логичной.**

Итак, приходится констатировать вместе с Ю. И. Семеновым, что «по вопросу о движущих силах истории ...никакого единства взглядов среди историков, историков, этнологов и социологов не существует»¹⁵⁵. Однако, на мой взгляд, это свидетельствует именно о том, что в данном вопросе далеко не все в порядке.

В отечественной науке в настоящее время продолжают господствовать устаревшие взгляды, связанные с объективизмом и умалением роли методологии, перемешанные с новыми системными и процессными идеями. В результате неудивительно, что поиски главной причины развития предпринимаются и до сих пор, а также что поднимаются на щит уже давно отжившие свое идеи.

Иной уклон – попытки использовать для анализа движущих сил исторического процесса слишком формализованные теории, что ведет к потере собственно социальной специфики. В этой связи полезно обратиться к рассмотрению некоторых весьма модных сегодня взглядов – современного варианта эволюционизма. Споры нет, новые подходы, связанные с исследованием узловых бифуркационных точек процесса, неустойчивых состояний систем, с усложнением их информационных и энергетических уровней и т. п., способны оказаться во многих случаях продуктивными¹⁵⁶. Идея чередования перио-

¹⁵⁵ Семенов Ю. И. Указ. соч. С. 159.

¹⁵⁶ Вот некоторое суммирование этих идей в одном из вариантов теории эволюции Вселенной, включая и историю.

«Как справедливо считает И. Пригожий (1989), сейчас возникает новая концепция Вселенной и создаются новые представления о науке. Классическая наука XIX века – первой половины XX века изучала закрытые вневременные системы (время, по выражению А. Эйнштейна, – это «иллюзия»), движущиеся к равновесию. Мы можем констатировать кризис принципов градуализма (постепенности) в науке о зарождении

дов устойчивых и неустойчивых состояний может в ряде ситуаций объяснить неравномерность и скачкообразность развития, поскольку неустойчивость порой ведет к появлению принципиально нового, и система приходит в равновесие уже на более высоком уровне. Эти концепции хороши уже тем, что помещают исторический процесс в более длительный ряд, представляют его одним из этапов вселенской эволюции и тем самым дают некоторые общие принципы его анализа и частично методологию¹⁵⁷. Они очень полезны и тем, что создают потребность в интеграции различных наук и могут использоваться для создания широких схем и моделей.

Подобные общие принципы способны играть роль того, что я называл **базовыми законами** (отправными точками исследования). Но это не значит, что они будут автоматически и **главными законами**. Для решения каких-то задач они могут быть таковыми, но пытаться представить их главными изначально – это то же, что утверждать, что существует один универсальный метод исследования как природных, так и социальных явлений. Такой подход будет не только наивным и ошибочным, но и просто вредным. **Сходство общественных систем с иными очень важно, но преувеличение роли этого сходства, по сути, повторяет ошибку, за которую критико-**

жизни (академик А. И. Опарин), в эволюции органического мира (Ч. Дарвин и Ч. Ляйель), обществе и экономике (К. Маркс). Оказывается, что для постепенного перебора всех мутаций и возможностей в истории просто не хватает времени. Реальная эволюция шла путем чередования гомеостазисов и бифуркаций – катастроф (кризисов и революций) по пути усложнения и ускорения. Это стало ясно после того, как наука обратилась к изучению более сложных открытых неравновесных систем, развивающихся в направленном – темпоральном – времени. Оказалось, что выводы, полученные И. Пригожиным, Г. Хакеном и др. на термодинамических системах, вполне приложимы к развитию Земли, природы и общества (Моисеев, 1990); само же развитие Земли, биосферы и общества более понятно, когда рассматривается в рамках биогенетического ускоряющегося времени. Везде мы наблюдаем одни и те же, по существу, механизмы унаследованности от предшествующих фаз, дивергенцию и неоднозначность выбора при явной каналированности – направленности и даже целенаправленности эволюции по пути усложнения ее и перехода на более высокие информационно-энергетические уровни» (Зубаков В. А. XXI век. Сценарии будущего: Анализ последствий глобального экологического кризиса. СПб., 1995. С. 28).

¹⁵⁷ В этом плане хороши также и законы диалектики, и некоторые идеи эволюционистов XIX–XX веков (Спенсера, Тейяра де Шардена и др.), разумеется, при критическом к ним отношении.

вали эволюционистов прошлого, преуменьшавших различия между биологическими и социальными организмами.

Думать, что достаточно поместить объект в ряд общего, чтобы понять его, в корне неверно. Нужен и другой ряд – особенности или даже уникальности. И только тогда, рассмотрев объект с разных позиций, мы создаем себе возможность для того, чтобы **объединить их в единый спектр качества и охватить одной теорией.** Разумеется, создание теории требует и множества иных вещей, но без этого наши попытки, скорее всего, ожидает неудача или односторонность, приемлемость лишь в узких рамках. А если исследователь этого не сознает, то тем самым делает свою концепцию очень уязвимой для критики.

Сформулируем теперь некоторые вопросы, которые неизбежно встают (все равно, осознают это или нет) перед теми, кто пытается такие общие концепции применить к анализу исторического процесса (на часть из них мы постараемся дать ответ).

– Каковы отличия природной и исторической эволюции?

– Каковы различия в развитии биологических и общественных организмов, а также в способах закрепления и распространения достижений?

– Каковы различия в движении к единой системе природно-биологических и социальных объектов (соответственно геобиосфера и человечество)?

– Появляются ли в исторической эволюции на разных этапах развития человечества коренные отличия?

– Каково соотношение глобальных и малых причин в истории?

– Как соотносятся воздействия неодушевленных факторов (или сходных с ними по типу влияния) и деятельность людей, наделенных волей и сознанием? Это, может быть, важнейший вопрос для любого теоретика, поскольку только в исторической эволюции есть субъекты. И кто бы, как бы и в какой связи ни пытался поставить поступки людей в один ряд с бессознательными причинами, глубокого ответа на вопросы теории исторического процесса он не получит, пока не найдет связку

между неосознанным и осознанным, между общим эволюционным и особым в историческом развитии.

– Каковы причины ускорения именно исторического движения?

– Каковы, наконец (традиционный вопрос теории движущих сил), роли и иерархия различных факторов социального развития?

– Каково соотношение в историческом движении эволюционного медленного развития и скачков?

– Почему лишь некоторые из бифуркационных состояний ведут к плодотворным изменениям и каким образом классифицировать эти состояния? Почему те или иные потенции имеются только в отдельных обществах?

Читателю должно быть совершенно ясно, что автор считает очень важным искать широкие, глобальные обобщения и сходства и сам пытается постоянно это делать. Но он против того, чтобы объяснять исторический процесс в основном из этих сходств, потому что такой подход ведет либо к игнорированию специфики социального и исторического¹⁵⁸, либо просто к банальности и мало что может дать конкретным исследователям. Поиск «архимедова рычага» истории и тем более всей эволюции равно-силен поиску вечного двигателя и приводит лишь к отторжению теории от практики. **Нет, нужно искать и общие принципы, и конкретные причины, и сходное и особое, и закономерное и случайное, и большое и малое и т. д., чтобы потом пытаться это связать.**

¹⁵⁸ Один серьезный сторонник таких подходов вынужден признавать: «Пока при описании исторических процессов мы пытаемся использовать язык теории исследования операции либо язык нелинейной динамики. Однако попытки строить конкретные модели показывают, что в этих языках отсутствуют важные для исторического анализа понятия и представления». Он в этой связи высказывает весьма интересную и, кажется, правильную мысль: «Можно ожидать, что развитие теоретической истории также приведет (как в экономике и психологии. – Л. Г.) к созданию оригинального математического аппарата» (Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // *Общественные науки и современность*. 1996. № 4. С. 102). Нисколько не умаляю необходимости поиска решения с этой стороны. Но непонятно, почему полагают, что сами социальные науки, у которых уже создан необходимый язык и выработано немало средств анализа, творчески бессильны? Нужно и должно использовать все методы и достижения других наук, но ведь не ради того, чтобы формализовать теорию истории во что бы то ни стало и не ценой утраты ею собственной специфики!

Цель параграфа, таким образом, – показать некоторые возможности использования категории «движущие силы» (и тесно с ними связанных) для анализа исторического процесса в целом и отдельных его проблем. Для этого на нескольких рассуждениях и примерах увидим, как возможно представлять исторический процесс одновременно и с позиции многофакторности, и с точки зрения его единства и наличия в нем главных движущих сил. Кроме того, концепция должна «оставить место» и для причин, о которых мы сегодня знаем мало или вовсе не знаем. Однако полной теории движущих сил здесь не излагается, поскольку эта тема особого исследования.

Но сначала попытаемся определить само понятие движущих сил¹⁵⁹. Оно должно быть достаточно широким, чтобы охватить многообразие и на его базе строить типологию. Итак, **понятие движущих сил исторического развития – это представление о причинах, которые ведут или могут вести к изменениям, оцениваемым нами, в конечном счете, как позитивные, в обществах, их элементах и межобщественных явлениях.**

Что же касается типологии, то стоит заметить, что без взвешенного подхода и правильной методологии она останется лишь схоластическим упражнением. Напротив, при верных общих принципах с ее помощью можно пытаться создать недостающие для перехода от всеобщего к конкретному части теории. Ведь при более совершенной методологии из конкретного материала можно «выжать» гораздо больше выводов, сделав тем самым общие правила намного плодотворнее.

Вот некоторые возможные основания для типологии движущих сил: 1) потенциальные и реальные; 2) глобальные и локальные; 3) универсальные и частные; 4) постоянные и переменные; 5) длительные и кратковременные; 6) внутренние и внешние¹⁶⁰; 7) природные и социальные; 8) материальные и

¹⁵⁹ В данном случае нет необходимости разбирать различные мнения по поводу таких дефиниций. Скажу только, что общий методологический порок многих из них – представление об объективности законов, что ведет к преувеличению значения одних факторов и умалению других.

¹⁶⁰ Возможно, что как среди людей выделяются типы, больше направленные либо на внешнюю жизнь, либо на свой внутренний мир, так и под воздействием различных причин (религии, способа добывания пищи, географических и исторических осо-

духовные; 9) субъективные и объективные; 10) безличностные и личностные и т. д. Очевидно, что аспектов такого деления много. Причем каждая такая пара представляет собой спектр качества, на котором можно выделить множество уровней и подтипов.

По ходу изложения я кое-что дополню к этому списку, а некоторые типы проанализирую подробнее. Но в целом характеристика типов не входит в задачу этого параграфа¹⁶¹.

Остановимся пока на рассмотрении потенциальных и реальных движущих сил. Это позволит лучше понять, какие причины внутри общества ведут к изменениям и как последние закрепляются. Исходной точкой для рассуждений здесь может послужить мысль о том, что в самой природе человека как вида, в физических, психических и умственных возможностях людей вообще, а также в том, что они в большинстве случаев ведут коллективный образ жизни, заключается принципиальная возможность многих вещей, которые уже проявились и могут проявиться в будущем¹⁶².

В этом смысле история представляется как реализация этих потенциалов, группирующихся в самых невероятных комбинациях. Это то, что я называл базовыми законами. Но рассуждая дальше, мы видим, что под воздействием различных причин эти потенции могут проснуться. И при наступивших благоприятных обстоятельствах вдруг произвести неожиданный эффект. Так, порох способен храниться десятилетиями, но при попадании искры – взорваться. Так нередко человек лишь в конце жизни открывает свои способности. Образно говоря, закон дремлет в потенциальном состоянии, и кто знает, что его пробудит, и пробудит ли вообще?

Итак, для перехода возможности в действительность нужны: 1) сами потенции; 2) причины, создающие сдвиг, кризис и т. п.; 3) соответствующая реакция на возникшие обстоятельст-

бенностей, позиций правящих групп и т. п.) интересы общества могут быть направлены внутрь или вовне.

¹⁶¹ См. об этом: Гринин Л. Е. Философия и социология истории... Ч. 1. Гл. 3.

¹⁶² Разумеется, новое, гениальное, творческое имеется в возможностях не каждого человека вообще, а лишь некоторых одаренных. Но когда эти таланты раскрываются, их достижения превращаются (далеко не всегда, конечно) в коллективное достояние, переходя из возможности в реальность.

ва. Тойнби называл эту ситуацию «вызов – ответ». У него есть и еще одно образное выражение: «огниво и кремень»¹⁶³.

Но решение проблемы на этом не заканчивается. Почему дается разный ответ на сходный вызов? И не бывает ли так, что ответ уже во многом предопределен? В результате появляется вывод о том, что подобно тому как из одних и тех же человеческих генов при разной комбинации рождаются люди совершенно разных способностей, так и в обществах при потенциально одинаковых возможностях рода человеческого возникают такие особенности, которые в одних случаях (в большинстве) не могут дать качественного развития, а в других – способны на это. Задача исследователя – определить, в чем состояла такая особенность, незаметная долгое время, но сыгравшая важную роль. Если же еще добавить к этому массу всякого рода вещей (контакты, случайности, условия среды, опыт, приобретенный за счет других, наличие того, что называется субъективными предпосылками и пр.), то станет ясно, насколько сложен процесс превращения потенциальных движущих сил в реальные. Причем появление нового рождает и новые потенции. Так, возникновение государств создает огромные возможности в регулировании общественной жизни; изобретение письма открывает перспективы развития общественного сознания и т. п.

Итак, потенциальные силы – это те качества, которые могут при определенных условиях реализоваться и способствовать развитию. После того как эти возможности закрепились, они переходят в разряд действительных.

Таким образом, мы видим движение от пассивности и неподвижности (в исследуемом нами аспекте) к активности. И весь исторический процесс в определенной мере предстает как переход из возможности в реальность все новых сил.

Прежде чем перейти к решению поставленных проблем, полезно напомнить, что поставленная задача может очень сильно определять степень значимости выводов. Поэтому-то так важно умение правильно отобрать средства решения из-

¹⁶³ См.: Тойнби А. Цивилизации перед судом истории. М. – СПб., 1995. С. 25.

бранной проблемы, увидеть различные аспекты и подходы к ней и правильно перейти от одного к другим. Не менее важна способность определить область применения и приложения полученных выводов¹⁶⁴.

Если речь, допустим, идет об анализе общества как социального организма безотносительно к конкретно-историческим реалиям, то желательно рассмотреть взаимоотношение организма и внешней среды¹⁶⁵, а также взаимодействие его органов (элементов системы). Исследование с позиции социологии истории, которым мы займемся в следующем разделе, нацелено на выяснение относительно более и менее главных подсистем общественной системы. Но если задача стоит конкретнее, то в зависимости от типа общества и среды, особенностей периода и эпохи наш анализ каждый раз принимает существенно другой вид.

Иной аспект откроется также, если мы пытаемся понять причины различий в развитии обществ¹⁶⁶. Ведь общесоциологический подход многого в историческом процессе объяснить не в состоянии. Например, такие проблемы, как соотношение центра и периферии на уровне крупных регионов (или планетарного масштаба), а также причины перемещения таких центров¹⁶⁷, явление нового качества как результат суммирования достижений многих обществ; необходимость определенной среды для тех или иных процессов и многое другое. Сказанное легко объяснимо, поскольку межобщественные от-

¹⁶⁴ Ведь, с одной стороны, полученный вывод верен прежде всего для данной избранной нами системы координат и потому не может механически использоваться для решения других проблем. Но с другой – очень часто наиболее ценными будут не одноразовые ответы, а типовые решения. Поэтому желательно искать именно такие и уточнять методологию и правила их применения.

¹⁶⁵ Возможно, мы придем к мысли, что «это взаимодействие вырабатывает известные изменения, продолжающиеся до тех пор, пока не будет достигнуто равновесие между действиями окружающей среды и действиями, противопоставляемыми им агрегатом» (Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1. С. 59).

¹⁶⁶ Весьма продуктивен уже упомянутый прием, который использовал Тойнби, объясняя разницу в цивилизациях. На сходный вызов они могут давать в зависимости от тех или иных причин разный ответ. (Конечно, не стоит забывать, что и вызовы сильно отличаются.) Современный анализ состояния систем: устойчивые – неустойчивые, жесткие – мягкие и пр. – также способен многое объяснить в этом плане. Есть немало и иных подходов.

¹⁶⁷ Этому вопросу в своем 3-томном труде уделил огромное внимание Ф. Бродель.

ношения крупного регионального, тем более расширенные до общечеловеческого, масштаба представляют собой иное качество. Используя выражение Н. Н. Моисеева, можно сказать, что здесь происходит эффект «сборки». И, как было уже сказано, взаимоотношение группы обществ и отдельного общества – это соотношение целого и части.

Теперь я могу попытаться показать, как можно решить наиболее сложный вопрос теории движущих сил: как совместить монизм и плюрализм.

Анализ исторического процесса сложно вести, если не применять **метод сквозных движущих сил**. Но весьма распространенная ошибка в этом случае полагать, что действие этих факторов «постоянно, равномерно и однонаправленно в течение всего периода функционирования»¹⁶⁸. Такая социальная энтропия не может объяснить изменения. Ведь если какой-то фактор постоянен, то как он обуславливает развитие?¹⁶⁹ Ограничена также возможность объяснить развитие циклическостью (пульсацией) какой-то природной или социальной силы¹⁷⁰. Ее роль коренным образом меняется, как только общество переходит определенный рубеж (так с развитием огнестрельного оружия стала падать опасность набегов кочевников на цивилизованные страны).

Таким образом, мы стоим перед проблемой. С одной стороны, выделить какой-то главный фактор для всего исторического процесса без натяжек нельзя. Кроме того, действие всех сил тесно взаимосвязано. С другой – «хотя в конкретной действительности все эти факторы и находятся во взаимодействии, однако научное изучение их не может и не

¹⁶⁸ Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М, 1979. С. 73–74. Так М. А. Барг и Е. Б. Черняк характеризовали действие неких общественно-необходимых отношений, составляющих «особого рода совокупное целое, субстанцию, отличную от целостностей, образуемых другими сторонами этих отношений» (Там же. С. 66–67).

¹⁶⁹ Разумеется, длительное воздействие каких-то условий создает и закрепляет какие-то качества и свойства и даже создает те или иные потенциальные движущие силы. Но мы уже видели, что для их пробуждения нужны особые условия.

¹⁷⁰ На подобной гипотезе основана, например, теория этногенеза Л. Н. Гумилева, справедливо подвергаемая критике. Для некоторых моментов все же такой прием может оказаться удачным. Так, периодическим усыханием степей многие историки объясняют усиление активности кочевников.

должно (как и всюду) останавливаться перед эмпирической «пестротой», а **должно разложить тот пестрый и сложный клубок взаимодействия различных факторов на ряд причинных связей и зависимостей**» (выделено мной. – Л. Г.)¹⁷¹. Выполнять подобную операцию можно по-разному. Но ошибочным является разделение движущих сил на «подлинные» и соответственно «неподлинные»¹⁷², ибо значимость причин для решения разных задач будет, очевидно, очень различной.

В каждый данный момент и в каждом месте существует неповторимое сочетание сил. Это означает, что **нет главной движущей силы применительно и ко всей истории, и к любому ее эпизоду**. Но, основываясь на том, что говорилось о главных и неглавных законах, в рамках избранного нами объема и поля применения, можно выделить относительно главные и неглавные силы.

Поэтому указанную выше дилемму продуктивно решать так. При моделировании исторического процесса для отдельных периодов можно избирать ведущими те или иные факторы, показывая причины ослабления одних и усиления других. И если такой прием не абсолютизировать, появляется возможность, фигурально говоря, **распределить факторы по периодам**, тем самым стоя на более близких к реальности позициях, не теряя возможность процессного описания и стремясь достигнуть объективности. В этом аспекте история предстает **не как реализация одного-нескольких факторов-констант, а как процесс изменения силы различных факторов, исчезновения одних и включения других**. При этом действие **сквозных движущих сил сохраняется, но их значение сильно меняется от периода к периоду**.

Такой прием удобен для характеристики формаций. В моем представлении это выглядит так. В первобытности главными

¹⁷¹ Сорокин П. А. О так называемых факторах... С. 523.

¹⁷² Так, например, Энгельс говорил о движущих силах, стоящих за побуждениями исторических деятелей и приводящих «в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы», как о «подлинных движущих силах истории», подразумевая, что «побуждения отдельных лиц» менее подлинны или неподлинны (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 307–308).

силами, заставлявшими идти вперед, были изменения в природе и необходимость менять места поселения. Это хотя и очень медленно, но вело к заселению планеты, увеличению контактов, появлению многих изобретений и приспособлений. В эпоху земледелия природный фактор продолжает быть очень важным, но в мировом масштабе еще большую роль стали играть военные и иные взаимодействия, которые заставляли думать об улучшении обороны, управления и прочем, «тасовали» колоду обществ¹⁷³. В эпоху индустриализма все более важной движущей причиной становились производительные силы, которые обрели способность самовозрастать и из года в год увеличивать как объемы, так и технологию производства. Следует выделить также общественную (классовую борьбу), которая постепенно заменяла войны в качестве толчка к преобразованиям в обществе. В настоящее время ведущими (из большого количества) силами в строго ограниченном аспекте, конечно, можно признать науку и информатику. **Таким образом, на протяжении исторического процесса значение одних движущих сил уменьшается, других – возрастает. Он видится как ослабление старых и появление новых движущих сил, причем условно для каждой формации можно выделить один-несколько ведущих факторов.**

Хотя, бесспорно, динамику изменения в движущих силах можно представить по-иному, чем это сделал я (доказательства моего подхода будут изложены во 2–3-й частях), но самое главное – принцип, согласно которому **исторический процесс, его ритмы, этапы, скорость, многое другое неразрывно связаны с изменениями в движущих силах.** Само собой, с учетом масштаба, объема, уровня анализируемого материала.

¹⁷³ Так, в моем понимании, это выглядит на формационном уровне. Но уже говоря о вариантах формации и тем более об отдельных обществах, мы для каждого случая строим собственную иерархию движущих сил. Например, в городах-государствах Греции важнейшую роль играла политическая борьба между их гражданами, а в Риме в отдельные периоды – внутренние (гражданские) войны. В других случаях мы вспомним о религиозных движениях и т. п. А если спустимся на уровень сравнительно небольших эпох, то все важнее станут отдельные личности, случаи, мелкие особенности и т. п.

Такой взгляд позволяет интегрировать несколько точек зрения и теорий в рамках анализа всемирно-исторического процесса. Например, не будет смысла жестко противопоставлять роль исторической эволюции и естественного отбора¹⁷⁴, с одной стороны, и рост сознательного момента в человеческом развитии (то есть роль идей, гениев, личностей, новаторства и т. п.) – с другой. Органически вписывается в концепцию также увеличение значения производства и науки, особенно в последние несколько сот лет. Указанный выше подход объясняет также: а) как может сочетаться идея плюрализма (поскольку предполагается наличие многих факторов) и главных движущих сил, поскольку их роль меняется от этапа к этапу; б) причины ускорения развития и модификации общественных законов; в) причины появления нового и распространения его особым способом. Это то, что иногда называют канализацией развития, то есть развитие идет сначала в отдельных узких местах, а уже затем, благодаря распространению, и более широко; г) роль заимствований и контактов: в одних школах им уделено недостаточно внимания, а в других – чрезмерное (диффузионисты); д) возможность совместить значимость внутренних факторов (классовой борьбы, роли собственности и пр.) и внешнего воздействия, особенно в плане того, что общая линия движения человечества сочетается с разнонаправленностью развития отдельных обществ¹⁷⁵.

Посмотрим теперь на диалектику связи эволюции и других факторов. Эволюция – путь тяжелый, медленный и разрушительный, часто почти незаметный, создающий впечатление монотонно поворачивающегося на одном месте колеса (Тойнби). И именно такой предстает перед нами история древности

¹⁷⁴ Эти вопросы слабо разработаны в отечественной литературе. А между тем без их ясного понимания трудно понять и такой важнейший для истории момент: движение обществ, регионов и т. п. рисуется как сочетание путей более или менее прогрессивных, ведущих к дальнейшему совершенствованию, и таких, которые ведут в тупик или к уничтожению.

¹⁷⁵ Конечно, чтобы читатель яснее представил, каким образом все это может органически сочетаться, желательны дополнительные пояснения. Но объем первой части и так велик. Кроме того, я ограничиваю число примеров и объяснений еще и потому, что, в известной мере, вся книга иллюстрирует способы совмещения разных подходов.

и средневековья. И все же в бесконечном естественно-историческом отборе постепенно выявлялось методом бесчисленных проб и ошибок, «выбраковки» (Гефтер) неудачных или несчастливых форм прогрессивное. Необходимость приравниваться к безжалостной окружающей природной и социальной среде способствовала лучшей приспособляемости¹⁷⁶. И выигрывал тот, кто вовремя и наиболее эффективно давал ответ на внешний вызов, был сильнейшим, энергичнейшим, наиболее сплоченным, организованным и т. п. Нередко в лучшем положении оказывались просто наиболее удачливые, «везучие»: защищенные от набегов кочевников, живущие на островах и т. п. Естественный отбор поэтому неразрывно связан со случайностями.

Упрощенно говоря, внешние движущие силы (природа, социальное окружение) воздействовали на общество так, что создавали возможности для естественного отбора, а различные контакты и заимствования способствовали распространению того, что представало наиболее удачным. Соответственно, чем теснее связаны общества, тем больше возможность проявления и распространения достижений. Иными словами, появление принципиально нового есть синтез общечеловеческого и особенностей передового общества. С одной стороны, такой скачок подготавливается предыдущим развитием, «опытом» за счет неудачных попыток нащупать новый путь, все большим назреванием потребностей в «решении задачи», пока линия эволюции не выйдет туда, где создались наилучшие условия для прорыва. Но с другой – где и как это произойдет, – вопрос конкретного исторического случая и совпадения особых условий. Причем оформившееся здесь новое закрепляется по настоящему, только если оно распространяется дальше породившего его общества.

¹⁷⁶ Исследователей во многих обществах восхищали целесообразность производства, быта, форм политического устройства, культуры и т. п. данной конкретной обстановки. Плеханов писал по этому поводу: «Тут повторяется то же явление, которое еще греческие философы замечали в природе: целесообразность торжествует по той простой причине, что нецелесообразные самим характером своим осуждены на гибель» (Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1956. Т. 1. С. 644).

В этой связи важно отметить и такой момент. Главными движущими силами в одних случаях могут выступать внешние воздействия, в других – внутренние противоречия (такими источниками могут быть, например, классовая или партийная борьба). Но для каждого типа обществ (с учетом характеристики эпохи) **есть свой определенный предел, потолок развития**. Дальше него оно может пойти либо в результате выпадения из общего ряда как новая «веточка» эволюции, либо под воздействием более развитых соседей и при необходимой трансформации структуры. В ином случае общество вступает в кризис, но не в силах удовлетворительно, то есть радикально, разрешить его. Это одно из объяснений циклов подъема и упадка, столь характерных для древних и средневековых обществ, особенно восточных. Государство каждый раз начинает очередной цикл с новой отметки, но поскольку развитие идет не в перспективном направлении, пропускает наиболее удачный момент для качественной мутации и трансформации, в результате все дальше заходит по тупиковому пути.

Таким образом, для глобального качественного рывка и выхода на более высокий качественный уровень необходимо появление новых движущих сил.

По мере развития все новых социальных факторов, особенно промышленного производства, науки, классовой и партийной борьбы, современных идеологий и т. д., а также ослабления изоляции обществ, **роль эволюции ослабевает, а иных сил растет**. В результате эволюция заменяется социальным реформированием. По мере же интеграции человечества и появления у него общих проблем и своего рода международной «этики», реформирование начинает перерастать в то, что можно назвать социальной селекцией (местный тип общества «скрещивается» с образцом передового) и инженерией (то есть конструирования модели общества и планирования его функционирования). Разумеется, эти способы развития еще в начальной стадии и полностью себя не проявили. А роль эволюции, хотя и ослабла, но все же сохраняется. Очевидно, что изменение баланса движущих сил ведет к модификации исторических законов.

Сделаем теперь несколько общих рассуждений, которые помогут яснее понять принципы совмещения анализа движущих сил на разных уровнях, в различные по длительности и характеристикам периоды и перехода от одних к другим.

Как уже сказано, без противоречия нет развития. Но что такое «противоречие»? С одной стороны, мы единую действительность делим на то, что видим как гармонию и ее отсутствие. Но с другой – такое деление не выдуманно, а имеет и объективные основания. Однако противоречия столь же многолики, сколь разнообразна реальность, поэтому целесообразно их классифицировать и типизировать. В целом же для нашего случая противоречие можно было бы определить **как столкновение различных по характеристикам сил и воздействий**. Из такого столкновения может возникнуть особого рода равнодействующая сила, либо новая потребность (ее осознание) и попытки ее разрешить и т. п. В общем плане наличие определенного противоречия и возможностей для его разрешения и создают основу для развития. И наоборот, отсутствие или слабость противоречия лишают общества возможности меняться.

Без противоречия нет развития, но возникновение противоречия не ведет автоматически к развитию, поскольку оно может долго или вовсе не разрешаться. Бывает, что из-за этого нарушается цикл, общество так и живет с нарушенным и ставшим уже привычным, вроде опухоли, воспроизводством. Оно может постепенно угасать или быть взорвано изнутри неразрешимым иначе противоречием (восстание, революция и пр.), чтобы на его обломках началось новое движение с более низкой отметки.

Значит, движущие силы можно разделить **на подводящие к противоречию и разрешающие их**. Иногда они совмещаются в одном факторе (например, современные производительные силы, наука), но обычно между возникновением и нарастанием противоречия, с одной стороны, и его положительным разрешением – с другой, проходит время, порой настолько длительное, что проблема перезревает и парализует всякую нормальную жизнь.

Можно сделать вывод, что когда в обществах преобладает стремление к сохранению (консервации) отношений и образа жизни, то развития почти нет или оно случайно. Такая ситуация особенно характерна для первобытности. Однако с усложнением социальных организмов и увеличением их контактов появляются многочисленные источники противоречия, поэтому абсолютно господствовать консервативная тенденция не может.

Преодолевается противоречие в зависимости от особенностей обществ по-разному, но лишь как необычный вариант в результате такого процесса открывается перспектива нового. По мере того как эволюция заменяется другими способами трансформации, происходит также изменение типов противоречия и их разрешения.

Рудольф Карнап делил понятия науки на три вида: классификационные (то есть относящиеся к выделяемому классу, например, теплых предметов, планет, феодальных обществ и т. п.); сравнительные, то есть позволяющие сравнивать вещи: теплее, демократичнее, прогрессивнее и т. п.; и количественные, то есть выраженные языком цифр, для которых особенно важны конвенции, соглашения¹⁷⁷.

Для анализа исторического процесса они также интересны. Но, может быть, еще более важным для него будет деление категорий на две группы, характеризующие общества в состоянии покоя и в состоянии изменений¹⁷⁸. Конечно, между покоем и развитием есть множество промежуточных градаций и типов, не учитывать которые при тех или иных задачах нельзя. Для оформления такой глобальной категории можно было бы использовать термин: **тип состояния**. В свою очередь он делится **на тип покоя (стабильности) и тип измене-**

¹⁷⁷ Карнап Р. *Философские основания физики*. М., 1971. С. 97–109.

¹⁷⁸ Такое деление возникло довольно давно, и еще Конт ввел понятия «социальной статики» и «социальной динамики». Но, конечно, «не существует таких состояний общества, которых бы не затрагивали никакие перемены» (Маркович Д. *Общая социология*. Рн/Д, 1993. С. 17). А Башляр отмечал: «Устойчивый объект, неподвижный объект, вещь в состоянии покоя задавали область подтверждений аристотелевской логики. Теперь перед человеческой мыслью возникают другие объекты, которые невозможно остановить, которые в состоянии покоя не имеют никаких признаков и, следовательно, никакого концептуального определения» (Башляр Г. *Новый рационализм*. М., 1987. С. 252).

ний. Кроме полезных (относительно развития), могут быть также вредные или безразличные изменения. Такие можно назвать **неразвивающимися.** И хотя в этом исследовании речь идет прежде всего о качественном развитии, о них также нельзя забывать, иначе трудно понять причины застоя, упадка, регресса.

На развитие и его темпы колоссальное влияние оказывает момент сознательного стремления к целям, достижение которых требует определенных изменений в обществе и тем более сознательного стремления к изменениям цели. В этой связи нельзя не отметить, что у некоторых исследователей нет четкости в различении деятельности людей вообще, безотносительно к тому, насколько они желают изменений, и деятельности, так или иначе осмысленно направленной к ним (первую я буду называть **неосознанной**, вторую – **осознанной**). В связи со сказанным сложно согласиться с такими, например, идеями. «В научной и учебной литературе движущие силы общества нередко связывают с определенной направленностью, прогрессивными преобразованиями общества. Нам такой подход представляется односторонним. Ведь жизнь общества, его история есть целостный процесс. Он складывается из сложного переплетения противоборства самых разных людей, классов, наций, народов. В этом смысле **всякая деятельность людей есть движущая сила** (выделено мной. – Л. Г.). И она является таковой не потому, что она прогрессивна, либо реакционна, стихийна, либо сознательна и т. д., а потому, что она есть именно человеческая общественная деятельность. Иначе говоря, качество быть движущей силой **есть имманентное существенное качество человеческой деятельности вообще и эта деятельность в силу указанных причин не делится на движущую или недвижущую**»¹⁷⁹ (выделено мной. – Л. Г.)

Было бы гораздо правильнее построить ряд качества: осознанная – неосознанная деятельность – и больше внимания уделить типологии этих различий. Ведь и сам автор цитаты определяет движущие силы как деятельность людей, но «раскрытую с точки зрения ее внутреннего механизма, ее факторов

и причин»¹⁸⁰. Разве это прямо не связано с тем, насколько сознательно стремились те или иные субъекты к поставленным целям и что из этого вышло?

Очевидно, что в ряду качества: осознанная – неосознанная деятельность, ведущая к развитию¹⁸¹, мы видим два полюса, две крайние точки, к которым никогда она полностью не приближается (поскольку, с одной стороны, всегда каким-то боком проходит через сознание, а с другой – даже самая планируемая деятельность ведет и к результатам, которых не ждали). Но градации здесь колоссальны. И самые неосознанные вещи могут вести к глобальным переменам, но это дело случая и длительного накопления различных вещей, затем создающих условия для скачка. Но такое развитие совсем иное, чем сознательное движение людей и коллективов к какому-либо целям.

Несомненно, что даже жизнь какого-нибудь племени, которое жило без заметных изменений несколько тысяч лет подряд, а потом сгинуло без следа, можно представить частичкой единого пути человечества, как и вообще любые действия людей в определенном аспекте можно вписать в общую историческую эволюцию, хотя бы они были самыми что ни на есть новаторскими, нетворческими, рутинными. Так, сотни тысяч лет люди охотились и собирали растения, что способствовало их размножению, расселению и развитию. Но такая деятельность напоминает «деятельность» животных, меняющих карту моря, ландшафты или способствующих появлению новых видов. Если мы такую стихийную жизнь сравним с творческой, то подорвем саму идею о социальных движущих силах и отличии биологической эволюции от исторической¹⁸². И уж тем более такой подход не годится для анализа коротких временных периодов.

¹⁷⁹ Барулин В. С. Социальная философия. В 2 ч. М., 1993. Ч. 1. С. 255.

¹⁸⁰ Барулин В. С. Социальная философия. В 2 ч. М., 1993. Ч. 1. С. 254.

¹⁸¹ Само собой очевидно, что осознанная деятельность может быть направлена на уничтожение, консервацию и т. п.

¹⁸² По мнению П. Сорокина, «выдавать за социальные факторы то, что свойственно всему миру животных, равносильно положению, что закон тяготения приложим только к данному падающему камню, – занятие малопродуктивное и во всяком случае не экономное» (Сорокин П. А. О так называемых факторах социальной эволюции. С. 525).

Собственно, это узловой момент, вокруг которого уже два столетия идут споры о том, кто главный субъект истории, как соотносятся идеи и материальная жизнь и т. п.

Да, можно сказать, что всякая деятельность и общественная жизнь (от неандертальцев до современных людей) есть движущая сила. Но это будет иметь смысл только как противостояние социального и биологического, человеческой и животной психики. Но как основа рассуждений о движущих силах истории (общества) это теряет смысл, поскольку категория нуждается именно в том, чтобы выделить из общего контекста, каковым и является человеческая деятельность вообще, причины развития.

Постановка вопроса так, что **внутри самого социального есть имманентное стремление к самосовершенствованию, неправильна и неисторична.** Таким образом не объяснить разницу в результатах и темпах развития.

Возникают очень важные вопросы о том, когда и как появляется сознательное стремление к изменениям и какие этапы проходит этот процесс. Насколько совпадают конечные (и иные любые) итоги и первоначальные цели? Насколько отлично развитие в результате сознательных устремлений и неосознанных в этом плане действий? И т. д.

Нет никакого сомнения в том, что стремление к переменам и улучшениям как у отдельного человеческого индивида, так и у коллективов – качество потенциальное, то есть такое, которое в принципе может проявиться, но долго «дремлет». В ряде обществ оно так и остается в неразвитом состоянии, а в других – при благоприятных обстоятельствах способно стать постоянным (причем для разных сфер жизни это происходит с огромным временным разрывом)¹⁸³. Стремление к изменениям превращается во внутренний источник развития относительно поздно, когда сознание связало два момента: необходимость

¹⁸³ Но теперь уже ясно, что гипертрофированное стремление к изменениям может быть так же вредно, как и страсть к постоянству во что бы то ни стало. И когда эта идея станет совсем ясной (когда жизнь заставит ее не только понять, но и принять), тогда, вероятно, найдутся способы, не гася стремление к улучшениям, поставить их под такой контроль, который не даст возможности разрушить основы общественной стабильности.

перемен и их благотворность для решения многих проблем¹⁸⁴. Таким образом, человеческая деятельность, связанная с попытками изменить ситуацию, есть не **имманентное, а лишь потенциальное свойство**.

Когда те или иные стремления людей и групп становятся осознанными, получают определенную базу внутри обществ и тем более морально-правовое обоснование, тогда они, по выражению Маркса, превращаются в материальную силу, мало того, движущую силу, которая не дает людям и коллективам стоять на месте. И история демонстрирует нам, как вызревают все новые побудительные мотивы и, наоборот, подавляются старые (например, стремление к завоеваниям, столь важное в прежнее время).

Таким образом, движущей силой развития будет не вся деятельность людей, а только такая, которая создает условия для того, чтобы прежний цикл нарушился, в еще большей степени такая, что заставляет искать новые ответы на прежние или вновь возникающие вопросы, и еще более такая, которая целенаправлена на поиск нового или лучшего, хотя бы в этом еще и не было острой нужды. Данное положение относится и ко многим другим движущим силам: **чем менее ясно осознана их роль, тем труднее идет развитие.**

Проблема осознанной – неосознанной деятельности занимает важное место в общей концепции движущих сил. Увеличение доли действий, сознательно направленных на изменения, – одна из серьезнейших причин того, что стихийное эволюционное развитие заменяется элементами социальной генетики и инженерии. Но это также одна из причин изменения и самого **типа эволюции**. В моем представлении такая трансформация выглядит следующим образом.

Период антропогенеза – это переход от биологической к социальной эволюции. Но и социальная проходит ряд этапов. В первобытности она очень медлительна, потому что является **стихийно-социальной**. С появлением государств и цивилиза-

¹⁸⁴ Это одно из философских объяснений (если, конечно, не впадать в расизм) того, почему жизнь многих народов и даже цивилизаций мало повлияла на развитие человечества, а других – колоссально.

ций можно говорить о формировании собственно **исторической** эволюции. В древности и средневековье она, по нынешним меркам, все еще очень медленна и разрушительна. Это **военно-цивилизационная** эволюция. Затем ее сменяет новый вид исторической эволюции: **промышленно-реформаторский (революционный)**. Наконец, сегодня формируется иной тип эволюции – **общечеловеческий**. Но на последних этапах, как сказано, эволюции уменьшается, угасает (хотя и не полностью), а роль иных факторов развития и законов увеличивается.

Эволюционный (естественно-исторический) аспект желательно также связать и с тем, который в литературе иногда называют субъектным. Взаимодействие этих моментов удобно представить как сочетание движущих сил разных уровней, как соотношение глобальных и малых причин.

Исходным можно взять принцип, согласно которому **уровень причины должен в целом соответствовать уровню результата**. Это значит, что очень серьезные, качественные, глобальные изменения нельзя объяснить лишь случайными индивидуальными причинами, например, только чертой характера личности, только совпадением случайности и т. п.

Да, в некоторых состояниях общества любые воздействия могут стать важнейшими. Но в других ситуациях самые, казалось бы, подходящие состояния (та же неустойчивость, вызванная войнами и смутами) ничего не дают. Поэтому при анализе исторического процесса мы сталкиваемся и с таким явлением, что насыщенные политическими и военными событиями большие эпохи из-за того, что мы не можем обнаружить развития, кажутся нам пустыми¹⁸⁵, а в некоторых небольших по времени периодах (например, во время великих революций и войн) важными и существенными оказываются даже мелочи,

¹⁸⁵ Вот один из подобных примеров: «История последующих (после VII в. н. э. – Л. Г.) столетий представляет собой довольно однообразное чередование распри между соперничающими местными династиями, которые можно более или менее подробно проследить благодаря многочисленным надписям и указам, выгравированным на медных пластинках, но подробности эти **монотонны и никому не интересны, кроме специалистов**» (выделено мной. – Л. Г.) (Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977. С. 78–79).

тем более если они так или иначе повлияли на лицо мира в дальнейшем¹⁸⁶.

Да, дело во многом объясняется тем, что именно состояния неустойчивости потенциально могут рождать новое. Но здесь надо добавить очень важное правило, которое часто не учитывается, а оттого все синергетические подходы остаются бесплодными: **состояние неустойчивости может рождать новое, только если ход эволюции (и предшествующего развития) подготовил для этого возможности.** Именно поэтому в некоторые кризисные периоды, которые совпадают с временем поиска историей новых путей, резко возрастает и роль отдельных деятелей, и значение эпизодов, мелочей, пустяков. Ведь в месте такой развилки-бифуркации случай может как способствовать, так и препятствовать появлению нового¹⁸⁷.

Поскольку же для реализации нового нужно, как сказано, стечение особых условий, то неизбежно в дальнейшем общество носит отпечаток этой комбинации. А если его путь становится образцом для подражания другими, то она так или иначе формирует и развитие иных (иногда многих) обществ. Так что роль случая в определенные моменты действительно весьма велика. Но ее не стоит и преувеличивать и тем более мистифицировать. Раз возможность стала действительностью, то и малое становится уже большим, а в том смысле, в каком употреблялось в первой главе, и закономерным.

Таким образом, глобальные перемены реализуются в том числе через малые причины и явления и поэтому носят их от-

¹⁸⁶ Такое различное восприятие имеет и много причин, в том числе и недостаток или фрагментарность знаний или научные традиции, например, то, что Шпенглер критиковал как европоцентризм.

¹⁸⁷ Арон замечает по этому поводу: «Признаться, я мало чувствителен к ретроспективному доказательству того, что происшедшее не могло быть иным» (Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993. С. 181). А Антонио Грамши утверждает: «В действительности можно «научно» предвидеть только борьбу, но не ее конкретные моменты, являющиеся результатами постоянного движения противоположных сил, которые никогда нельзя свести к фиксированному количеству, поскольку в этом движении количество постоянно превращается в качество. Действительно, «предвидят» в той мере, в какой действуют, применяют сознательные усилия и тем самым конкретно способствуют возникновению «предвидимого результата» (Цит. по: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959. С. 183).

печаток. Но мы немного пойдем в историческом процессе, если будем акцентироваться только на этой стороне и начнем игнорировать значение общего хода дел, накопленного к этому моменту опыта, синтезирования предыдущего прогресса в анализируемом обществе и месте, наконец, такие вещи, как большая или меньшая вероятность какого-то события и т. п. Вот с этой позиции и можно сказать, что уровень причины равен уровню результата. **Коренные изменения могут не произойти по воле случая, но произойти только по воле случая не могут определенно.** Иными словами, накопленные тенденции не всегда реализуются и реализуются по-разному благодаря стечению обстоятельств, но обстоятельства только открывают им вероятность, однако не рожают саму возможность, для которой нужно то, что называется объективными предпосылками. В свою очередь конкретные моменты нельзя объяснить только крупными выводами¹⁸⁸.

Сказанное дополняет и следующее правило: **чем длительнее по времени воздействие, тем оно может быть слабее в каждый данный момент.** Речь идет о процессе, который можно принять за константу. Постоянно действующий фактор способен оказывать большое влияние и за длительный срок очень сильно воздействует на объект. Но сила его может оказаться слабее любой другой временной причины. Господство религии не означает отсутствия периодов упадка ее влияния. Длительный социальный мир может прерываться волнениями. И т. п. Такой подход проясняет во многом мнимость противоречия, на которое иногда указывают противники идеи сквозных факторов: почему глобальная причина не действует в тот или иной момент. Но стоит ли удивляться? Причина действует. Однако влияние иных вещей оказывается временно больше. Если затем воздействие этих локальных сил ослабева-

¹⁸⁸ Например, вопрос о причинах появления и роли того или иного фаворита не объяснить просто наличием строя, порождающего фаворитизм. Тут приходится вдаваться в самые мелкие и личные моменты.

Аналогично и вопрос об индивидуальных чертах процесса индустриализации в Англии, которые в дальнейшем стали образцом для подражания, не понять без тщательного исследования многих исторических особенностей Англии XVIII и предыдущих веков.

ет или прекращается, положение восстанавливается. Если нет – значит временные причины начали переходить в разряд постоянных или заменились иными.

Завершая параграф, можно констатировать, что учет различных сил, их мощи и воздействия – достаточно эффективный и удобный, причем не дискредитировавший себя прием. Он позволяет лучше увидеть, как совмещаются общие и частные, глобальные и локальные, сквозные и кратковременные и другие причины. Думаю, что будет полезно сформулировать относящиеся к данному методу правила. Они достаточно просты, если о них не забывать, позволяют избегать ошибок. Но они не прилагаются одновременно к разноуровневым явлениям.

Чем больше что-либо проявляется в количестве, тем слабее может быть в качестве. Соответственно, чем больше возможности количественного развития, тем слабее потребность в качественном. Так, рост численности населения может гасить нужду в технических усовершенствованиях и, наоборот, отсутствие целинных земель иногда приводит к интенсификации сельского хозяйства.

Обратно: **чем заметнее рывок в качестве, тем меньше количество таких проявлений.** Новое не рождается массово, иначе оно из уникального становится типичным. А подражание новому вместе с удачами неизбежно дает и брак среди тех, где общественный материал неподходящ для такой трансформации или нет нужных условий и т. п. Однако **чем больше качественных изменений, тем быстрее развитие. И наоборот.**

Наконец, вспомним то, что говорилось о яркости проявления законов. Нельзя «требовать», чтобы нечто заметное в один момент и в своих условиях было столь же заметным в других. Соответственно, как уже отмечено, постоянно действующие факторы не могут быть всегда доминирующими. Для одних движущих сил необходима длительность действия¹⁸⁹. Для других – определенный объем, поле приложения (напри-

¹⁸⁹ Как отмечал Гегель: «Поступательное движение мира происходит только благодаря деятельности огромных масс и становится заметным только при весьма значительной сумме созданного» (Гегель Г. Соч. Т. III. С. 95).

мер, больше, чем одно общество). Для третьих – именно неустойчивость, для четвертых – стабильность и т. д.

Иными словами, исследуя роль той или иной движущей силы, мы должны сформулировать общее правило, которое показывает, при каких условиях действие ее становится ярким и важным. Необходимо также понять принципы, на основании которых мы объединяем в одну силу фактически множество разных, и затем конкретизировать их для меньших масштабов, уровней, периодов. Следующий параграф в значительной мере может показать, как это делать практически.

§ 2. О роли личности в истории

Стали уже общим местом высказывания о том, что именно люди (и никто другой) делают историю. Поэтому, если не полагать, что они лишь марионетки в руках высшей силы, вопрос о роли наиболее заметных деятелей становится в ряд важнейших. Не утратил он актуальности и сегодня. По этому поводу высказано множество мнений. Чтобы не вдаваться в историю споров по данной теме, можно отметить, что столкновение взглядов по этому вопросу часто принимало вид «антиномии, первым членом которой являлись общие законы, а вторым – деятельность личностей. С точки зрения второго члена антиномии история представлялась простым сцеплением случайностей; с точки зрения первого ее члена казалось, что действием общих причин были обусловлены даже индивидуальные черты исторических событий»¹⁹⁰. С прошлого века ситуация принципиально не изменилась.

Много раз обдумывая проблему, я пришел к выводу, что в рамках указанной антиномии ее не разрешить, поскольку частичная правота есть и в том, и в другом подходе. Вероятно, многие ученые думали так же, поэтому старались уйти от крайностей: полагать, что исторические деятели лишь орудия в руках Бога¹⁹¹ или темных сил истории, либо мистифициро-

¹⁹⁰ Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1956. Т. 2. С. 331.

¹⁹¹ «...судьбу этих всемирно-исторических личностей, призвание которых заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа...» (Гегель. Философия истории. Соч. М. – Л., 1935. Т. VIII. С. 30).

вать роль деятелей, описывая их полубожественными демиургами, не считающимися ни с чем, кроме своих целей¹⁹².

Но и «средний взгляд» не разрешает проблему достаточно глубоко. Ибо он полностью не устраняет важнейшей причины, по какой до сих пор нет удовлетворительной теории, описывающей и объясняющей роль личности в истории. Я имею в виду то, что данный вопрос принадлежит к группе тех в философии, которые построены, так сказать, в абсолютном плане и потому требуют абсолютного ответа. Но поскольку истина конкретна, любой такой ответ, который призван на роль универсального на все случаи жизни, либо превращается в неприемлемую догму¹⁹³, либо становится слишком неопределенным, чтобы использоваться для прямого действия.

Предположим, что мы сформулируем проблему так. Способна ли какая-либо личность стать важнейшим самостоятельным фактором, меняющим общество (эпоху, господствующие взгляды) в зависимости от своего понимания дела, или она только реализует заложенное предшествующим развитием, что неизбежно должно проявиться? Другими словами, изменился бы существенно ход истории в некоторых случаях, не будь той или иной личности, или, напротив, пояись в нужный момент нужный деятель?

Но, если быть объективным, придется ответить, что в некоторых случаях ход истории действительно изменился бы, а в других – едва ли. Подобная растяжимая формула тем не менее имеет значение, если мы представляем ее в виде общего прин-

¹⁹² «Третье возможное решение вопроса об историческом значении личности представляет комбинацию или примирение субъективной и объективной точек зрения. Личность есть как причина, так и продукт исторического развития... Это решение, в его общей форме, кажется наиболее близким к научной истине...» (Раппопорт Х. Философия истории в ее главнейших течениях. СПб., 1899. С. 10).

¹⁹³ Вот один из многих примеров подобного ответа. Плеханов пишет, что роль личности и границы ее деятельности определяются организацией общества, и «характер личности является «фактором» такого развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Плеханов Г. В. Указ. соч. С. 322). В целом это во многом верно. Но каковы возможности личности, если общественные отношения позволяют ей становиться «фактором такого развития»? Ведь если характер общества дает простор произволу (а в истории таких случаев едва ли не большинство), то исходное плехановское положение мало чем поможет нам. Разве в этой ситуации развитие не может стать более зависимым от желаний и личных качеств правителя, который и станет концентрировать силы общества в нужном ему русле, чем от иных причин? Так же однобоко выглядят и другие общие, претендующие на универсальность ответы.

ципа. Для нашего случая он мог бы выглядеть **в зависимости от самых разных условий и обстоятельств, с учетом особенностей исследуемого места, времени и индивидуальных черт личности, ее историческая роль может колебаться от самой незаметной до громадной.**

Такая идея позволила нам надстроить теорию, найти соприкосновение для разных точек зрения и как бы привести их к общему знаменателю. Это важный шаг. Но чтобы облегчить поиск ответов на более конкретные вопросы, указанный общий принцип необходимо развернуть в довольно объемную теорию с соблюдением нужных правил соответствия и процедур. А чтобы только приблизиться к подобию теории, необходимо заняться уточнением проблемы, разбить ее решение на этапы, варианты, сделать необходимые оговорки и т. д. Очевидно также, что если строить ответ на данный вопрос в виде закона, то он должен подчиняться соответствующим логическим и методологическим правилам: учитывать уровень, аспект и масштаб обобщений, соотносить эпоху и изучаемое время и т. п. Кроме того, в зависимости от задачи и иных моментов роль одной и той же личности может представлять раз от раза существенно иной. Выработанные общие идеи способны во многом помочь исследователю, но их определенно недостаточно, чтобы оценить роль конкретного деятеля, поскольку для этого нужны специальные изыскания.

В этом параграфе будет методологически верным представить наш вопрос как весьма специфический, но все же частный случай проблемы движущих сил исторического развития. Тогда логично будет применить к анализу роли личностей важные исходные принципы: учитывать взаимосвязь всех исторических сил (а не вырывать личные побуждения из общего контекста); различать осознанные и неосознанные действия; показать, как меняется роль деятелей от формации к формации; понять, что увеличивает их роль, а что ослабляет, и т. д. Но, поскольку далеко не все личности содействуют развитию, исследуемый вопрос в этом отношении становится шире, чем просто одна из специфических движущих сил.

Признавать роль личности малой логично только, если считать реальной некую внеисторическую силу (бога, судьбу и т. п.) либо полагать, что все изначально предreshено¹⁹⁴. В ином случае главные рассуждения детерминистов (например, что не появившись та или иная личность, ее все равно заменила бы другая и общий ход истории остался бы примерно таким же) не выдерживают критики¹⁹⁵. В истории слишком много вещей и явлений персонифицировано. Иногда это не столь важно (об этих ситуациях дальше), но в других случаях, особенно когда предстоит важный выбор, персонифицированность оказывается исключительно значимым моментом.

Но оставаясь на позициях здравого смысла, мы не можем не заметить обусловленность роли личностей общественным устройством, а также особенностью ситуации. Невозможно не отметить, что в одни периоды (нередко даже длительные) мало выдающихся людей, в другие (часто весьма короткие) – целые когорты. Люди титанического склада терпят неудачу, а ничтожества оказывают гигантское влияние. И т. д. Очевидно, что значение деятеля зависит далеко не только от его личных качеств, и поэтому всякого рода романтические высказывания¹⁹⁶ не дают ключа к ответам на данные вопросы. Определенно, что роль личности зависит от множества разных причин и только «кажется, что герои творят сами из себя и что их действия создали такое состояние и такие отношения в мире, которые являются лишь их делом и их сознанием»¹⁹⁷. Но, с другой стороны, именно действия лидеров (а иногда и рядо-

¹⁹⁴ Например, рассуждая так: «Чем выше стоит человек на общественной лестнице, чем с большими людьми он связан, тем больше власти он имеет на других людей, тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка.

«Сердце царево в руце божьей».

Царь – есть раб истории.

История, то есть бессознательная, общая, роевая жизнь человечества, всякой минутой жизни царей пользуется для себя как орудием для своих целей» (Толстой Л. Н. Война и мир. В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 5).

¹⁹⁵ «Тот, кто утверждает, будто индивидуальное историческое событие не было бы иным, если бы даже один из предшествующих элементов не был тем, чем он в действительности был, должен доказать это утверждение. Роль личностей и случайностей в исторических событиях является первым и непосредственным элементом; тем же, кто отрицает такую роль, нужно доказать, что это не так» (Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 506).

¹⁹⁶ Вроде того, что «история мира – биография великих людей» (Томас Карлейль).

¹⁹⁷ Гегель Г. Философия истории. Соч. Т. VIII. М. – Л., 1935. С. 29.

вых людей) определяют исход противоборства и судьбу разных тенденций. Вот, исследуя противоречия, мы и попытаемся выяснить те причины, помимо личных особенностей, которые усиливают или ослабляют значение деятелей.

Все сделать в рамках одного параграфа невозможно. Поэтому, как и в предыдущем случае, мы лишь наметим некоторые возможности и варианты решения проблемы.

Начнем с того, чтобы уточнить, о какой, собственно, роли идет речь. Иногда ее сводят лишь к прогрессивному (или отрицательному) влиянию. Но тогда и проблему надо сужать до соответствующего масштаба, а не выдавать частный ответ за общий. Наметим типологию «ролей».

1. По времени воздействия: в момент совершения действия, или позже, но при жизни деятеля, или после смерти, или даже много спустя после смерти. 2. Близко к «1» – непосредственная и опосредствованная. Так, в отношении Октябрьской революции Ленин играет непосредственную, а Маркс – опосредствованную роль. 3. По самому факту отсутствия или наличия личности. Например, соответственно отсутствие наследника у Федора Ивановича и факт избранного народом царя Михаила Романова, хотя и бездеятельного в первое время. 4. Близко к «3» – активная или пассивная. Например, посаженный в тюрьму в конце прошлого века во Франции Альфред Дрейфус сам играл пассивную роль, но едва не вызвал раскол страны. 5. Планируемая – непланируемая. Это важно, так как множество влияний никем не планировалось и даже не предполагалось, но часто именно они и являлись наиболее значимыми¹⁹⁸. 6. По наличию или отсутствию выбора. Иногда

¹⁹⁸ «...История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств... то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате получается нечто такое, чего никто не хотел» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 395–396).

Подобное случается и с идеями. Например, они могут быть вырваны из контекста мировоззрения автора и подняты на щит воинствующей идеологией. Хрестоматийный случай – знаменитые фразы Мичурина о том, что мы не можем ждать милостей от природы, или Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Но вообще же, чтобы идеи стали играть какую-либо роль, нужно совпадение ряда условий. Просто так, благодаря только их ценности, они не закрепляются в обществе.

главное – сделать нечто, поскольку всем ясно, что надо делать, но нет нужной фигуры. Так, россияне в 1610–1611 гг. знали, что нужно прогнать поляков из Москвы, но сначала должен был появиться Козьма Минин. Такова же роль Жанны д'Арк. В других ситуациях главное – определить путь развития. Например, Бисмарк стремился объединить Германию силой оружия, другой канцлер, возможно, попытался бы достичь соглашения с Австрией. А Н. Чемберлен и Э. Даладьё в этом плане фигуры отрицательные, не сумевшие избрать правильный путь в борьбе с Гитлером. 7. По роду деятельности, поскольку то, что для одних сфер благоприятно, для других – нет, а то и смертельно. 8. По прогрессивности – реакционности. При прочих равных условиях все же можно сказать, что отрицательную роль сыграть проще, чем положительную, и нередко, чтобы помешать, не допустить, довести до кризиса и т. п., не нужны никакие способности, тогда как для создания чего-либо нового они почти всегда нужны. Для этого требуются и определенные условия¹⁹⁹. 9. По степени новаторства. 10. По заменимости. 11. Совершенные индивидуально или в рамках организации. 12. Другие. Причем для каждого типа нужно строить свой ряд качества, исследуя градации и переходы и учитывая, что нет чистых типов, а чаще всего они смешаны. И для каждого типа или их комбинации при анализе нужно определить их особенности, благоприятные или неблагоприятные моменты. Теперь яснее видно, насколько разными могут быть «роли» и сколько ступенек-уровней нужно пройти, чтобы от общего перейти к конкретному случаю.

Итак, в самом обобщенном виде речь идет о том, **что, благодаря своим личным особенностям, или случаю, или общественному положению, или специфике времени и т. п., какой-либо человек может оказать самим фактом своего существования, своими идеями, действиями или бездейст-**

¹⁹⁹ Для разрушительной же роли иногда вообще не требуется ничего более, кроме необходимых черт самой личности. Так прославился Герострат. Таковы и современные геростраты – террористы. Здесь личность выступает иногда в «химически чистом» виде. Но бывает так и для изобретателя, ученого-одиночки. Но, конечно, чтобы стать великим разрушителем, типа Чингисхана и Тимура, нужны и «талант», и условия.

вием, прямо или косвенно, в период его жизни или даже после смерти такое воздействие на свое или чужие общества, которые можно признать важными, поскольку они оставили заметный след в истории и дальнейшем развитии обществ (положительный, отрицательный или какой-то еще).

Аналогично обстоит дело с уточнением того, что понимается в каждом данном случае под личностью. Можно, скажем, рассматривать лишь результат, безотносительно к индивидуальным способностям деятелей²⁰⁰. Иное дело, брать выдающихся по личным качествам людей. Но далеко-далеко не все они достигли заметных результатов. То же в еще большей степени касается вопроса о прогрессивной или реакционной деятельности, моральной оценке и других параметров. Неудивительно, что без подобного рода уточнений споры вращаются в схоластическом колесе, когда либо доказывается одно и то же, либо спорят о разном.

Наконец встает вопрос и о том, **каков критерий различения выдающихся и обычных личностей.** В этом плане К. Каутский ставит, на мой взгляд, проблему правильно. «Вопрос, о котором здесь идет речь, заключается не в том, совершается ли исторический процесс людьми или какими-нибудь другими факторами, которые должны быть совершенно мистической природы, а вопрос стоит так: является ли исторический процесс продуктом деятельности всех людей, при наличии которых он совершается, или же человеческая масса представляет собою пассивную материю, которая нуждается в толчках со стороны отдельных выдающихся индивидуумов, приводящих ее в движение и указывающих массе направление, в котором она должна следовать? Спрашивается, следовательно, действительно ли масса является пассивным материалом, а выдающиеся личности – движущим началом»²⁰¹.

²⁰⁰ Тут вместе с Каутским уместно было бы сказать, что «под такими выдающимися личностями не обязательно нужно подразумевать величайших гениев. И посредственности, и даже стоящие ниже среднего уровня, а также дети и идиоты могут стать историческими личностями, если им попадает в руки большая власть» (Каутский К. Материалистическое понимание истории. М.–Л., 1931. Т. 2. С. 687).

²⁰¹ Каутский К. Указ. соч. С. 687.

Однако данный им ответ мне кажется неудовлетворительным: «История делается всегда индивидуумами, обладающими волей, но эту историю делают все индивидуумы, а не только отдельные выдающиеся личности», поскольку «историческое... влияние личности прежде всего зависит от силы класса или группы, доверие которых эта личность завоевала и в качестве представителя которого она выступает. Совокупные силы этой группы или класса кажутся тогда историку личной силой их представителей. Поэтому силы этой личности могут принимать в описании сверхчеловеческие размеры»²⁰².

Такой ответ неправилен потому уже, что он игнорирует наиболее важный для нас момент – яркость проявления. Это аналогично утверждению, что любая человеческая деятельность есть движущая сила, разобранным в прошлом параграфе. Да, формально историю делают все индивидуумы. Так же, как можно считать, что все предметы притягиваются. Но нужен ли был бы закон всемирного тяготения (и был бы он открыт), если бы речь шла только о телах небольшой массы? То же самое и здесь. Есть ли смысл говорить о выдающихся личностях, если приравнять их к самым рядовым? Да и фактически роль обычного человека не просто мала. Его влияние или гасится иными воздействиями, или включается в общую силу (в огромной мере помимо или вопреки его воле). Кроме того, чаще всего он мало представляет общую ситуацию. А если его поступок стал важным в каком-либо роде, то он перестает быть рядовым (чуть позже мы еще вернемся к соотношению личностей и масс). Таким образом, существует некая критическая точка воздействия личности на общество, за которой только это воздействие и становится заметным.

Возвращаясь к оценке личности, данной Каутским (а он здесь не одинок), можно сказать, что описанная им ситуация действительно распространена. Сила личностей нередко напрямую связана с мощью организаций и групп, которые она представляет или возглавляет, а наибольших успехов при этом добивается именно тот, кто лучше сплачивает своих сторон-

²⁰² Каутский К. Там же. С. 696.

ников. В этом случае, по замечанию Плеханова, личность как бы приписывает себе часть сил других. Но даже и такой вариант не отменяет факта, что порой именно от личных особенностей лидера и зависит, куда повернет эта общая сила²⁰³. История только профсоюзов и забастовок дает здесь массу иллюстраций. Однако это лишь одна из ряда возможных ситуаций. Бывает так, что побеждает не просто более значительная сила, а сама ее значительность определяется в гигантской степени именно тем, кто их возглавляет. Ведь и судим мы о мощи соперничающих сторон часто прежде всего по результату, а не по потенциам. Поэтому роль лидера в такой ситуации (сражение, выборы и пр.), его соответствие этой роли имеет, можно сказать, определяющее значение, поскольку «само сложное переплетение антитетических условий приводит к тому, что в критические моменты определенные личности, гениальные, героические, удачливые или преступные, призываются сказать решающее слово»²⁰⁴.

Следующую ситуацию можно назвать **историческим вожизмом**. Какой-нибудь человек призывает всех, любого встать под его знамена. Ему не важно, кто именно это будет, тут нет никаких ограничений, лишь было бы побольше приверженцев. (Особенно это вероятно для обществ, где классово-сословное деление выражено нечетко.) Таковыми бывают проповедники, честолюбивые политики (вроде Катилины в Риме), бунтари и т. п. У такого деятеля либо неопределенный круг сторонников, либо его возможности и степень поддержки удастся определить только по совершившемуся факту. Сила будущего движения связана с энергией и удачей лидера и, наоборот, роль этой личности прямо пропорциональна увеличению числа его сторонников.

Таким образом, иногда группы и направления могут оформиться, только если появляется организатор-объединитель (подпольная партия, секта и т. п.), иногда – напротив, государ-

²⁰³ «Мы знаем, что кучка лидеров может принудить свою нацию к определенному курсу действий» (Миллз Т. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 83).

²⁰⁴ Лабриола А. Очерки материалистического понимания истории. М., 1960. С. 183.

ственный аппарат, элиты и партии как бы «выстреливают» лидеров, когда те умирают, дискредитируют себя или приходит срок выборов. Это характерно для монархии при правильной передаче власти («король умер, да здравствует король!») и при развитой демократии.

Есть ситуации, когда ощущается дефицит личностей и приход ее вовремя равносильна крайнему усилению тенденции. Но может быть и наоборот – существует конкуренция, и хотя кто-то может сделать лучше или быстрее, но в общем плане это не столь важно, поскольку разница во времени и в другом будет не слишком большой²⁰⁵.

Роль личности в делах, требующих наличия только единственного варианта (религии при отсутствии веротерпимости, монарх, наследник, главнокомандующий и т. п.), гораздо выше, чем в ситуациях, где допускаются альтернативные варианты (в науке²⁰⁶, культуре, изобретательстве и пр.), и тем более там, где какой-либо деятельностью занимается много людей. Так, в бизнесе могут быть исключительно выдающиеся люди. Нетрудно вспомнить очень яркие фигуры миллиардеров, но мало о ком можно сказать, что его роль в национальном и тем более мировом плане была такова, что так или иначе, чуть хуже или позднее его не могли бы заменить другие.

Еще одна – **роль в будущем**. Первоначальное воздействие личности и ее идей слабо. Но впоследствии она может стать колоссальной. Личность становится знаменем. К тому времени, как христианство превратилось в значительную силу, Христос (если считать его реальным лицом) давно был казнен. Но

²⁰⁵ Для определения приоритета, скажем, изобретателя или ученого срок определяется порой уже не в годах и месяцах, а даже в днях и часах. Так, зафиксирован факт, что изобретатель телефона Белл запатентовал свое детище 14 февраля 1876 г. всего на 2 часа раньше своего конкурента Грея. И благодаря этой ничтожной разнице Белл теперь всемирно известен, а Грей – нет (см.: Соучек Л. Туда, где не слышно голоса. Прага, 1968. С. 136).

Но порой короткий срок крайне важен, поскольку колоссальное значение приобретает именно то, кто первый сделает что-либо. Так, если бы атомную бомбу первой создала Германия, а не США, то это могло иметь серьезные последствия.

²⁰⁶ Как бы ни был велик тот или иной ученый, но, если наука допускает параллельные исследования, критику и свободу мнений, роль личности здесь будет намного меньше, чем в выработке догматов веры при монополии одного течения. Речь идет, конечно, о нормальной науке. Иное дело, если ученый выступает революционером – ниспровергателем авторитетов, как Коперник, Бруно, Галилей и др.

руководители общин (большой частью безвестные теперь люди), будучи живыми, без имени Христа ничего не значили.

Конечно, перечислены не все типы «ролей». Кроме того, реальный деятель может играть не одну, а сразу несколько их. Это усложняет анализ, но не устраняет необходимость типологии.

Возвращаясь к вопросу о соотношении личности и масс, мы видим здесь такое же разнообразие ситуаций. От той, когда массы представляют инертное население, с которым начальство может делать все, что захочет, до той, когда властитель лишь номинально правит, а на деле не может ступить самостоятельно ни шагу, не заручившись поддержкой мелких предводителей (например, зависимость короля от шляхты в Польше XVIII в.) или даже избирателей²⁰⁷. По выражению Н. К. Михайловского, толпа свергает своих героев по собственному капризу. Сравнивая роль масс и личностей, мы видим: на стороне первых – численность, масштаб, объем и т. п. На стороне вторых – осознанность, цель, воля, план и пр. Поэтому можно сказать, что **наибольшей роль личности при прочих равных условиях будет тогда, когда преимущества и тех, и других соединятся в одну силу**. Оттого расколы так уменьшают мощь организаций и движений, а наличие соперничающих лидеров может вообще свести ее к нулю. Итак, несомненно, что значение деятелей определяют много факторов и причин. Следовательно, задача в том, чтобы **выяснить и представить в системе и в единой концепции, какие моменты и как воздействуют на роль личностей**. Любая односторонность способна исказить истину. (Например, если собираются решить проблему в целом, но вместо общей задачи ставят часть ее.) Воздействие всех типичных причин в этом плане можно обозначить одним термином **«фактор ситуации»**. Он складывается: а) из особенностей среды, в которой действует личность (общественный строй, традиции, задачи и т. п.); б) состояния, в котором находится в определенный

²⁰⁷ Но чаще всего роль лидера и рядового человека очень неравноценна (иногда так, как соотносятся общее количество голосов «за» и один бюллетень). В воспаленном мозгу героя Ф. М. Достоевского это выразилось в делении на «тварей дрожащих» и «право имеющих».

момент общества (устойчивое, неустойчивое, идет на подъем, под уклон и т. п.); в) особенностей окружающих обществ; г) особенностей формационного времени (т. е. общей характеристики периода исторического процесса, включая степень интегрированности обществ, темп развития и пр.); д) близости общества к «генеральной линии» истории, что увеличивает или уменьшает возможность влиять на многие общества и исторический процесс в целом; е) благоприятности момента для действий; ж) особенностей самой личности и потребности момента и обстановки именно в таких качествах; з) наличия конкурентных деятелей; и) других.

Здесь они расположены не по степени значимости, поскольку сила факторов в разных случаях может быть неодинаковой. Если мы разбираем, скажем, влияние личности на все человечество, то здесь особенно важны пункты «в», «г», «д»; если причины – неудачи реформы, то «а», «б», «ж», «з». И т. п. В целом же **чем больше из указанного благоприятствует личности, тем может быть важнее ее роль.**

Анализ с позиции **фактора ситуации** позволяет не только объединить разные точки зрения, но и локализовать их, определив сферу действия, «урезать» их претензии. Кроме того, такой подход облегчает изучение конкретного случая (поскольку очерчивает круг вопросов, дает направление поиска и т. п.), нисколько не предопределяя результата. Между тем и романтики, и детерминисты большинство указанных выше факторов либо игнорируют, либо включают в теории только частично.

Разумеется, из перечисленных моментов мы сможем разобратить с разной степенью полноты только часть. Начнем с того, что если смотреть с точки зрения теории движущих сил или, что вернее для данной ситуации, вообще исторических сил, личность выступает одной из важнейших среди них. Но она действует в совокупности с ними и в зависимости от их значения увеличивает или ослабляет собственное (и наоборот). К тому же ее роль следует увязать с особенностями формационного времени и конкретного момента, а также нашей зада-

чей, в том числе с пространственно-временными ее характеристиками и родом деятельности человека²⁰⁸.

Говоря о роли личности, важно уточнить, идет ли речь о новом качестве только для данного общества или вообще для человечества. В первом случае неудача (или удача) не так уж важна для всемирно-исторического процесса, тогда как для общества способна стать роковой (оно может сойти с дистанции, попасть в зависимость, потерять темп и т. п.)²⁰⁹. Иное дело – новое вообще (и для передового общества, и для всемирного процесса). Здесь ставки намного выше. Именно это я называл близостью к «генеральной линии» истории. Как мы уже говорили, малые причины, реализуясь, оформляют большие процессы и тем самым придают им, во-первых, определенный облик (если уместно, они могут стать тем, чем является прецедент для англо-саксонского права); во-вторых, становятся моделью для других; в-третьих, открывают или закрывают возможности для многого иного. Не говоря уже о том, что в решающие моменты даже мелочь может стать роковой для какой-то тенденции. Тем более это касается деятелей. Когда какая-то личность появляется и закрепляется в определенной роли (тем самым затрудняя или облегчая приход других), «начиная с этого момента, случайность перестает быть случайностью именно потому, что налицо данная личность, которая накладывает отпечаток на события и придает им тот или иной облик, определяя, как они будут развиваться»²¹⁰.

²⁰⁸ «Чем более узкой является эта область (исследования. – Л. Г.), тем более важной кажется роль отдельной личности, которая здесь действует. Меньше всего мы можем игнорировать роль отдельных личностей в борьбе современности» (Каутский К. Указ. соч. С. 690).

²⁰⁹ Приди на место Петра I иной, «спокойный» государь, эпоха реформ в России отложилась бы, затем могла запоздать, как в Турции, в результате чего страна стала бы играть совсем иную (малую, подчиненную) роль в Европе и мире. А вот после Петра I правили часто совсем не талантливые люди, но фаза общества после петровских реформ и побед была уже иная, более спокойная. Даже время Екатерины II при всех ее выдающихся свершениях менее велико, чем эпоха Петра I. Там ставились русская государственность и общественное устройство, здесь – лишь совершенствовались.

²¹⁰ Лабриола А. Указ. соч. С. 183.

Соотношение начального выбора и последующей детерминированности поможет понять такая аналогия. Когда писатель пишет первое произведение, он волен избрать обстановку, дать характеристику герою, назвать его как угодно и т. д. Но если книга имеет успех и он берется за продолжение, то тут автор уже сильно связан предыдущим выбором.

Сказанное хорошо объясняет и роль благоприятного момента: ведь поскольку история не запрограммирована и в каждый момент времени из ряда потенций реализуется одна, то в определенных ситуациях шансы слабых тенденций возрастают и вообще возможность выбора увеличивается. Найдутся ли деятели, способные воспользоваться случаем, и кто они будут? Иногда детерминисты говорят, что не будь одной личности, ее заменила бы другая. В принципе это было бы так, если бы ситуация могла ждать долго. Но дело-то именно в том, найдется ли нужный человек в наиболее благоприятный момент (когда, по известному выражению Ленина, сегодня – рано, а послезавтра – поздно). Стоит упустить случай, и потом уже в десять раз более одаренная личность ничего не сможет сделать. А поскольку темп истории возрастает, времени на эксперименты у обществ становится намного меньше, чем раньше, когда история могла переигрываться, разрушая и вновь создавая цивилизации. Общий уровень перерастает определенную ступень, и затем уже общество должно догонять других, используя не собственную, а чужие модели.

Поэтому говорить о том, что великие эпохи рождают великих людей в смысле того, что они приходят как по заказу, неверно. (Разве сегодня россияне не страдают от недостатка выдающихся политиков?) Трагедией многих людей явилось несоответствие лидеров задачам, которые ставило время. И напротив, появление человека, сумевшего воспользоваться обстоятельствами, чтобы увести общество в сторону от наиболее правильного пути, становилось их проклятием. Таким образом, наличие более или менее соответствующей личности общественным задачам является случаем, хотя и достаточно вероятным.

Продолжая эту тему, можно сказать, что нередко личность – просто «орудие истории», но нередко и такой деятель, который сделал то, что не смог бы сделать никто другой.

На вопрос о границах роли личности в истории можно ответить и так: **если какая-то личность сумела сделать нечто,**

Или пример из истории: революционеры-догматики (реформаторы) могут первоначально взять на вооружение как знамя любые идеи, которых обычно в предреволюционные эпохи большое разнообразие. Но если под этими лозунгами они пришли к власти, то уже вынуждены отдавать им определенную, большую или меньшую, дань.

что кажется удивительным (все равно в данном случае, было ли это прогрессивно или наоборот), значит, потенциальные условия для этого были. Ибо если условий нет, личность не создаст их из ничего. Но далеко не всегда история преподносит деятелю стопроцентные шансы. Очень часто они неопределенны, нечетки, спорны. И как, талантливо или бездарно, будут использованы эти возможности, в огромной степени и зависит от человека, который в этом случае способен ускорить или отдалить решение проблемы, придать этому решению определенные черты, реализовать или упустить редкий шанс и т. п.

Следовательно, при оценке значения какого-то деятеля встает вопрос о том, мог ли кто-то другой сделать то же при наличных условиях²¹¹? Нередко мы можем констатировать, что нет, не мог. То, что сделал этот человек (хорошего или плохого): сумел сконцентрировать силы нации, использовать крошечный шанс, проявил небывалую жестокость и т. д., – это выше сил не обычного, но и человека много выше (ниже) нормы²¹². Не этим ли также объясняется притягательность образов Александра Македонского, Цезаря, Наполеона и др.?

Итак, влияние личности в определенные моменты представляется не просто большим, но даже и решающим. Однако глубоко понять ее можно только в контексте всех общественных факторов. Мы видели, что от периода к периоду значимость движущих сил диаметрально меняется. Это касается и влияния деятелей. А поскольку **все факторы взаимосвязаны, деятельность личностей выступает в неразрывности с дру-**

²¹¹ Иногда можно руководствоваться следующим. Если какие-то вещи не могли быть сделаны в то или иное время – это предел роли личности. Если что-то могло быть сделано (например, паровой двигатель знали еще в античности, но дальше игрушек дело не пошло), но сделано не было, значит, это предел тех условий, которые могли вызвать потребность в необходимой личности.

²¹² Эпизод, описанный Плутархом, очень хорошо иллюстрирует разницу между гениальным и просто выдающимся человеком. Александр Македонский советовался с приближенными, принять или нет условия, предложенные персами. Дарий еще до решающей битвы при Гавгамелах готов был заключить мир на очень выгодных условиях. Он уступал Македонии все земли западнее Евфрата и сулил огромную контрибуцию. Парменион сказал: «Будь я Александром, я бы принял эти условия». «Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, – воскликнул Александр, – будь я Парменионом!» (Плутарх. Избранные жизнеописания. В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 391).

гими движущими силами и находится с ними в определенном соответствии²¹³. Роль личности также напрямую связана с возможностями, которые имеет в данный момент общество и которые оно ей «доверяет»²¹⁴.

Ни один человек еще сто лет назад не мог оказать такого воздействия на природу, как сегодня самый заурядный специалист (на гигантском танкере или на АЭС и т. п.). Ускорение развития и интеграция ведут к тому, что человек, находящийся в любой точке планеты, в принципе способен оказывать влияние на самые разные места. Соответственно, чем меньше объединено человечество, тем меньше влияния может оказать на него одна личность. Это касается любого исторического периода, поскольку иные процессы способны протекать только в определенной среде. Например, христианство могло столь широко распространиться именно в многонациональной и достаточно тесно объединенной Римской империи.

Система сдержек и противовесов в политической организации общества или система контроля над личностью уменьшают ее влияние. Этому способствует и усиление конкуренции в создании нового. С другой стороны, рост технических возможностей дает в руки любого человека огромную силу.

Поэтому, сравнивая роль личности в древности и средние века с современностью, можно сказать: у прежних властителей в обществах монархическо-деспотического типа (подобного Китаю в конце III века до н. э. в правление Цинь Ши-хуанди, который сжег множество книг и казнил ученых) было больше возможностей влиять на общество. Ведь в нем отсутствовали механизмы ограничения деспотии. Но тогда и не было столь больших технических возможностей. Поэтому при прочих

²¹³ «Тем не менее в любых ситуациях действия индивидуумов являются личностными, как бы они ни отражали детерминирующего влияния социального окружения. В свою очередь, это окружение может быть отражено в действии индивида лишь в той степени, в какой оно опосредуется через систему личности. Таким образом, полное понимание любой социальной ситуации и ее возможных последствий предполагает знание не только основных моментов социальной структуры, ...но и основных моментов личностей, функционирующих в этой структуре» (Инкельс А. Личность и социальная структура: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 53).

²¹⁴ Например, каково бы ни было желание Чингисхана или Батые уничтожить огромную часть человечества, их возможности при любом раскладе были меньше, чем у нынешнего маньяка, который добрался бы до ядерной кнопки.

равных условиях роль личности может возрасти до гигантских размеров, если в одном месте соединяются две тенденции: персонализация власти и вседозволенность правителей, с одной стороны, техническая мощь современности плюс возможность с помощью оказывать влияние на остальной мир – с другой. Именно так в XX веке произошло в СССР, Германии, Японии²¹⁵.

Различия в силе влияния личности между прошлым и современностью также в том, что сегодня гораздо больше представлений о разных путях и моделях развития, что нередко делает зависимым от личности выбор того или иного курса (так, Кемаль Ататюрк избрал для Турции путь светского европейского государства, а нынешние мусульманские лидеры часто выбирают исламизацию). Убыстрение темпа развития, с одной стороны, также повышает значение лидеров, поскольку стоит чуть опоздать, и наверстать упущенное становится очень трудно. Но с другой – для человечества роль национальных лидеров во многом уменьшается. В этом же направлении действует и снижение роли войн и территориальных захватов.

Надо сказать, что хотя в целом фактор ситуации учитывается недостаточно, один его момент – **положение внутри общества** – ряд исследователей выделяет. Правда, большей частью это носит характер попутных и порой нечетких замечаний, однако так или иначе они отмечают два главных состояния: 1) стабильности и прочности; 2) нестабильности, хаоса, революций, кризисов и т. п.

При этом второе состояние дает возможность личностям проявить себя и влиять на общество гораздо больше²¹⁶.

²¹⁵ Лев Толстой называл императора Николая II Чингисханом с пушками и телеграфом. Он, конечно, сильно преувеличил, поскольку царь жестокостью не отличался. Но этот образ отлично подходит к чингисханам XX в. Они, правда, имели, кроме телеграфа, еще концлагеря, ракеты, а Сталин – даже атомную бомбу. Похожие деятели встречаются и сегодня, особенно в исламском мире. По счастью, ни один из них не имеет столь грозного могущества и влияния, каким обладал, например, Гитлер. Но если бы нынешняя Ливия стала вдруг сверхдержавой, то роль ее правителя М. Каддафи возросла бы колоссально.

²¹⁶ Причем это ученые, принадлежащие к разным школам и жившие в разное время. Чтобы не перегружать читателя, лишь укажу их. Лабриола А. Указ. соч. С. 182–183; Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. М., 1977. Т. 3. С. 71. Из российских ученых: Гуревич А. Я. Об исторической закономерности // Философские про-

В целом я бы сформулировал это так: **чем менее прочно и устойчиво общество, чем больше там разрушены старые конструкции, тем большее влияние может оказать отдельная личность на него. Другими словами, роль личности обратно пропорциональна стабильности и прочности общества.**

Однако без развития этих мыслей и создания типологий состояний общества далеко продвинуться не удастся. И стабильность, и особенно нестабильность имеют много вариантов, каждый из которых обладает очень существенными особенностями (плюс, конечно, конкретные вещи)²¹⁷. Так, застой отличается от прочности в условиях нормального территориального (вариант – экономического роста); и тем более от условий быстрого роста. Устойчивость может быть и при медленной деградации или упадке. Даже при стабильности многое зависит от того, насколько общественный строй «зарегулирован» на одну личность. Варианты общественной ломки тоже многообразны: реформа отличается от революции, мирная революция от гражданской войны и т. п.

Исключительно важно также представить изменения в обществе как **процесс смены его состояний (фаз)**. Далее для примера я покажу одну из ряда моделей такого процесса, состоящего из 4 фаз: стабильное общество типа монархии; общественный предреволюционный кризис; революция; создание нового порядка. Но могут быть и другие модели, например, стабильность – кризис – реформа; стабильность – кризис – революция – контрреволюция; застой – реформа – подъем (или упадок); подъем – реформа – подъем. И т. п.

блемы исторической науки. С. 68; Розов Н. С. Структура цивилизации... С. 129 (причем он ссылается на аналогичные мысли И. Валлерстайна); Барулин В. С. Социальная философия. Т. 1. С. 276 и др. Это подтверждается и синергетикой: «Например, в состоянии неустойчивости социальной среды деятельность каждого отдельного человека может влиять на макросоциальный процесс (роль личности в истории)» (Абдеев Р. Х. Философия информационной цивилизации. С. 200).

²¹⁷ «В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния» (Гегель. Соч. М. – Л., 1934. Т. VII. С. 7–8).

Итак, вернемся к нашему примеру. В истории обществ, возможно, основную часть времени занимают спокойные эпохи. Разные формы правления могут иметь свои плюсы и минусы, но сейчас важно отметить, что **чем лучше система «сдержек и противовесов», чем правильнее проведено разделение властей, тем больше застраховано общество от того, что его руководители подорвут его устойчивость.** В любом государстве всегда очень многое зависит от конкретного человека у власти, но в целом такие спокойные, «малые» эпохи гораздо меньше подвержены тому, чтобы отдельная личность стала ее «творцом»: благодетелем или демоном²¹⁸. Здесь скорее более важным будет состояние соседних и иных обществ, которые военным вторжением могут подорвать стабильность. Аналогичную роль способны сыграть и стихийные бедствия, эпидемии. В современном устроенном государстве должны быть механизмы, которые не доводят дело до взрыва и ограничивают роль личности в плане неконтролируемого воздействия на общество. С одной стороны, это дает возможности проявить себя гораздо большему числу людей, с другой – уменьшает зависимость развития от личности – «благодетеля» и гарантирует от чрезмерно вредного влияния. Подобная ситуация отразилась, например, в мировоззрении основателей США, считавших, что всякое правительство – неизбежное зло, но плохое – зло нестерпимое.

²¹⁸ Вот Гегель говорит об идеальном, по его мнению, государстве: «...здесь неверна именно предпосылка, будто бы имеет значение особенность характера. При совершенной организации государства важны лишь наличность формально решающей вершины и природной неподатливости страстям... Ибо вершина должна быть такого рода, что особенность характера не имеет значения... Монархия должна быть прочной в себе самой, и то, что монарху принадлежит сверх этого последнего решения, есть нечто входящее в область частного, чему не должно придаваться значения. Могут быть такие состояния государства, при которых выступает одна лишь эта область частного, но тогда государство еще не вполне развито или нехорошо построено» (Гегель Г. Соч. Т. VII. С. 308–309).

При монархиях, разумеется, роль личности не может быть малой, хотя все согласится, что в определенные периоды, кто бы ни был на троне, ничего слишком радикального не произойдет. Например, Римская империя I в. н. э. была могущественна и прочна настолько, что даже дикие выходки Калигулы, Нерона и других не могли подорвать ее сил. В определенной мере в демократическом обществе при системе сбалансированных сдержек и противовесов роль личности приближается к положению описанных Гегелем монархов.

Раньше или позже, но строй может начать клониться к закату (прежде всего в обществах, где нет «встроенных регуляторов», позволяющих на сравнительно ранних стадиях выявлять назревающие проблемы и решать их). Противоречия внутри его, особенно подогретые заимствованиями техники и технологии, передовых отношений и законов в отдельных областях, обостряются. Начинается движение за переустройство. Благо, если в это время находится лидер, способный повести общество по пути мирного развития.

Если же решение неудобных для власти вопросов оттягивается, то возникает ситуация кризиса и стремление к насильственному их разрешению (переворот, революция, заговор и т. п.). А вместе с этим появляются различные концепции и схемы переустройства страны, мира, устранения несправедливости и т. п. Тут появляется много личностей, стремящихся так или иначе преобразовать систему. Они представляют различные общественные и политические направления. Альтернативные возможности (тенденции и направления) развития общества не только получают здесь более ясное классово-групповое выражение, но и находят своих апологетов, лидеров, провозвестников, рупоров и т. п.

В такую эпоху яркие личности более характерны для стороны разрушительной. Но могут выплыть таланты и в консервативном лагере. Удача, если такому лидеру удастся «выпустить пар» и мирно изменить страну, разрядить ситуацию. Однако так бывает далеко не всегда. Кризисы часто потому и являются кризисами, что ограниченные и упрямые люди доводят положение до такой крайности, когда из нее уже практически не выбраться. Произойдет социальный взрыв или нет, зависит от многих факторов, в том числе и от силы личностей с той и с другой стороны.

Но если все же строй гибнет под влиянием революционного напора, наступает третья – революционная – фаза. Начиная разрешать глобальные противоречия, накопившиеся в старой системе, общество никогда не имеет заранее однозначного решения. Это невозможно по многим причинам потому уже, что каждый класс, группа, партия и т. п. имеют свой ва-

риант решения проблемы, а борьба партий, личностей и идей лишь усиливает такое множество. Какие-то из тенденций, конечно, имеют больше, а какие-то меньше вероятностей, но это соотношение может под влиянием разных причин резко измениться.

В такие переломные периоды лидеры иногда играют роль как бы гирек, способных перетянуть чашу исторических весов²¹⁹. Это похоже также на явление резонанса в физике. И когда частота колебаний общественных возможностей (в самом различном виде, например, в желаниях масс или армии) совпадает с колебаниями личности, когда в ней как бы аккумулируется гигантская воля общественной силы, роль ее увеличивается тысячекратно.

Следовательно, в определенные моменты сила личностей, их индивидуальные качества, соответствие своей роли и др. имеют огромное, часто определяющее или завершающее значение. Это волевой, нередко иррациональный и подверженный случаю фактор может быть и благотворен, и опасен, поэтому гораздо надежнее, если у общества есть ограничители таких влияний.

Победу какой-либо силы нужно еще отстоять в тяжелой борьбе. И под воздействием множества нужд создаются нередко такие общественные формы, которые никто не планировал и не мог планировать. И эти, по сути дела, случайные вещи затем становятся уже данностью, которая может даже определить будущее устройство обновленного общества, поскольку в этих институтах начинают кристаллизоваться многообразные интересы новой элиты. Мы видим здесь, что в наиболее переломные эпохи роль личности огромна, но в то же время обычно совсем иная, чем она сама предполагала. А дальнейшие последствия и вовсе не ясны. Во время таких переломов происходит масса изменений, выявляется много вариантов, «мутаций» различных общественных институтов и отно-

²¹⁹ «Когда специфические интересы отдельных социальных групп настолько обострены, что все борющиеся партии взаимно парализуют друг друга, тогда, для того чтобы привести в движение политический механизм, требуется индивидуальное сознание определенной личности» (Лабриола А. Указ. соч. С. 183).

шений, которые могут быть как вредны, так и благотворны. Это уже определяет конкретный расклад сил и случай. Такие взрывы дают много возможностей для различных эволюционных вариантов развития. Беда только в том, что метод проб и ошибок истории требует миллионов жертв и загубленных поколений тех, кто попал под несчастливый Случай.

После революции и разрушения старого общества предстает аморфным и потому очень податливым к силовым воздействиям. В такие периоды роль личностей может носить неконтролируемый, непрогнозируемый характер и для неокрепшего общества быть и формообразующей силой.

Бывает и так, что, получив влияние, лидеры вовсе заводят общества (под воздействием самых разнообразных личных и общих причин) туда, куда никто не мог и помыслить, «изобретают» небывалую общественную конструкцию.

Затем (иногда довольно быстро) наступает следующая, четвертая фаза – создание нового строя и порядка. После укрепления у власти какой-либо политической силы борьба может идти уже в стане победителей. Она связана как с взаимоотношениями лидеров, так и с выбором дальнейшего пути развития. **Роль личности здесь также исключительно велика: ведь общество еще не застыло, а новое может связываться именно с этим человеком, пророком, вождем и т. п.** После крутой смены общественных порядков общество заметно поляризуется. Популярная личность, например вождь восстания или глава победившей партии, начинает играть роль своего рода знамени. Чтобы окончательно утвердиться у власти, нужно расправиться с оставшимися политическими соперниками и не допустить роста конкурентов со стороны соратников. Эта продолжающаяся борьба (длительность которой зависит от многих причин) напрямую связана с особенностями побеждающей личности и окончательно придает облик обществу.

Итак, характер новой системы сильно зависит от качеств их лидеров, перипетий борьбы и прочих, порой случайных, вещей. Это причина того, что всегда **в результате перемен получается не то общество, которое планировалось.**

Постепенно рассматриваемая нами гипотетическая система взрослеет, формируется, приобретает жесткость и собственные законы. Теперь уже во многом они определяют лидеров. Пока строй достаточно крепок, а тем более если он хотя бы частично прогрессирует, изменить его не так-то просто, часто невозможно. Если общество, вступившее по кругу вновь в фазу устойчивости, не сумело приобрести регуляторы бескризисного развития, то цикл с известными изменениями может повториться или на каком-то этапе наступят благотворные преобразования.

Итак, мы бегло рассмотрели вопрос о роли личности. Но удалось лишь наметить некоторые направления исследования, показать отдельные возможности анализа. Не разобрано множество моментов. В их числе очень важная проблема, как определить, чем измерить саму степень влияния личности на общество и исторический процесс, где тот порог, за которым можно говорить о таком влиянии. Мало затронут момент изменения оценки роли личности в связи с позицией наблюдателя (если использовать физический термин), которая может зависеть от его принадлежности к определенной группе, обществу (тому, о котором идет речь, или иному), близости к событиям по времени и т. д. Полезно было бы развить мысль о том, что Энгельс называл «параллелограммом сил», а также о корректирующих механизмах в обществе, влияющих на роль личности и ее оценки (например, в каком соотношении находятся общественные возможности для проявления талантов и роль личности, оказавшейся на вершине власти)²²⁰. Практически не поднимался вопрос о том, как влияет развитие общественного сознания на личность, осмысление ею задач и собственных целей и многое другое. Все это дело специального исследования, которое автор надеется в свое время осуществить.

§ 3. Об общественном прогрессе и его критерии

²²⁰ Мне думается, что при прочих равных условиях роль лидера, оказавшегося у власти, в определенном смысле находится в обратной пропорции к свойству общественной системы помогать талантливым людям проявить себя.

В XVIII в. окончательно оформилось представление о прогрессе. Он мыслился таким поступательным процессом, который «может быть более или менее быстрым, но никогда не пойдет вспять»²²¹. В XIX в. возникло много историософских и социологических теорий, которые описывали прогресс как великий, всеобщий и неизбежный закон. Но затем эту концепцию постигла та же участь, что и ряд других (о законах истории, ведущих факторах и др.): все больше ученых стали или пренебрегать, или вовсе отвергать понятие прогресса. А приверженцы данной идеи не сумели внести в нее что-то принципиально новое.

Гегель, исходя из своей доктрины, видел в явлениях регресса лишь внешние случайности общей предустановленности, Спенсер полагал, что регресс встречается столь же часто, как и прогресс. Более поздние мыслители стали вовсе отказываться от теории прогресса или, подобно Арону, «разочаровываться» в нем. Даже слово «прогресс» стали избегать, заменяя его «развитием», а то и вовсе «социальным изменением».

Чтобы понять, целесообразно ли полностью отвергать идею прогресса, стоит задаться вопросом: а, собственно, зачем она нужна? Можно выделить несколько ее важных функций. Во-первых, мировоззренческую, дающую некий стержень видения мира, истории и отношения к ним. Тейяр де Шарден выразил это так: «Если прогресс – миф, если, приступая к труду, мы можем сказать: «Зачем»? – то наше усилие рушится, увлекая в своем падении всю эволюцию, ибо мы – ее воплощение»²²². Но, разумеется, цельность мировоззрения сама по себе еще не доказывает правомерности теории. Во-вторых, данная категория служит удобным способом осмысления множества фактов. И эта сторона очень важна для анализа истории. Огромная содержательная емкость понятия позволяет упорядочить материал, охватить его целиком, расчленив и структурировать в теорию исторического процесса²²³. В-третьих, это

²²¹ Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума // Философия истории. Антология. С. 185.

²²² Тейяр де Шарден П. Феномен человека. С. 185.

²²³ «Человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не

понятие очень полезно при сравнении разных обществ, или одного и того же общества на разных этапах, или отдельных его сторон и т. п. А можно ли обойтись без сравнений? Правда, имеются попытки доказать, что некоторые сферы принципиально несравнимы, например мораль, искусство и т. п. Вероятно, это утверждение связано с тем, что такая мыслительная операция в какой-то мере требует и оценки. Действительно, разные области жизни в различной степени поддаются сравнению и оценке, но все же по каким-то параметрам это делать можно, и развитие науки постоянно открывает нам новые аспекты такого сопоставления. Как производится сравнение? Условно говоря, нужно привести объекты к «общему знаменателю», то есть найти общее, характерное для всех членов этой мыслительной операции. Категория прогресса и одна из возможностей приведения к «общему знаменателю». В роли последнего выступал критерий прогресса (правда, в большинстве теорий не очень удачно).

Таким образом, тот, кто отказывается от идеи прогресса, лишает себя удобного и во многом отработанного способа анализа, осмысления и группировки фактов. Но чтобы этот метод стал действительно научным, надо разобраться как с самими понятиями прогресса и его критерия, так и с причинами кризиса концепции в целом. И если удастся избавиться ее от серьезных недостатков, нигилизм в отношении ее окажется зряшным. Речь идет о следующем. Во-первых, идеология не должна первенствовать перед фактами, поскольку научное исследование не может базироваться на вере или привычке²²⁴. Если эти моменты берут верх, то идея может стать просто вредной. Следовательно, нужно демистифицировать проблему и наполнить ее научным содержанием. Во-вторых, эта концеп-

укладываются в рамки общего мировоззрения», – писал Лев Мечников (Мечников Л. И. Цивилизации и великие исторические реки. М., 1995. С. 232).

²²⁴ В этом плане (но только в этом) можно согласиться с Н. А. Бердяевым: «Учение о прогрессе представляет собой религиозное исповедание, верование, потому что обосновать научно-позитивное учение о прогрессе нельзя, потому что научно-позитивно можно обосновать только (теорию эволюции, учение же о прогрессе может быть только предметом веры, упования» (Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1991. С. 146). Однако нельзя согласиться, что научно нельзя доказать учение о прогрессе. Это зависит от того, что под ним понимать.

ция не доведена до той полноты, которая должна быть у столь объемной теории. Она, фактически, недостоверна (ибо во многом игнорирует многообразие проявлений прогресса и регресса), а потому непредвзятому исследователю кажется бесполезной²²⁵. Иное дело, например, теория эволюции, развернутая так, что от нее сложно отмахнуться. Поэтому концепцию нужно довести до необходимой полноты, чтобы тесно связать общую идею с конкретной реальностью. В-третьих, надо ясно разобраться в том, каким образом построена сама теория прогресса. Георг Зиммель говорил: «Фундаментальная проблема теории познания истории состоит в следующем: как из реальных событий создается научное построение, именуемое нами историей»²²⁶. Фундаментальная проблема, связанная с идеей прогресса, состоит в том, как в этой концепции увязать огромную разнородность: взлетов и падений, застоя и упадка, приобретений в одном и потерь в другом, неравномерности и неоднородности развития обществ и многое другое.

Если подходить к понятию прогресса как к объективности, носящей абсолютный характер, если полагать, что он «проявляется фатальным образом, как и все космические явления»²²⁷, или что «прогресс является неизбежным потому, что входит в планы провидения»²²⁸, либо потому, что существуют некие имманентные законы, определяющие прогресс и его ход, то сделать этого нельзя²²⁹. Доктрина и реальность истории вступят в непримиримое противоречие.

Но решить эту проблему возможно, если исходить из того, что прогресс – научный закон и, как другие глобальные законы, есть наше представление, которое разлагает неразрывную

²²⁵ Недаром Франк говорил о «методологической смутности» теории прогресса (Франк С. Л. Очерк методологии наук. Цит. по: Социология. Хрестоматия / Сост. Козлова О. Н. и др. М., 1993. С. 7).

²²⁶ Зиммель Г. Избранное. В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 532.

²²⁷ Цит. по: Мечников Л. И. Указ. соч. С. 238.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Или, если рассуждать, как философ Булье: «Существует только один исторический закон – это закон прогресса... Выше всех законов и обобщений, которым древние и современные писатели пытались подчинить историческое движение, стоит этот великий закон прогресса, конечно, истинного прогресса, освобожденного от всех ошибочных и ложных понятий, делающих идею прогресса ложной, смешной или опасной» (Цит. по: Мечников Л. И. Указ. соч. С. 237).

действительность на логические части и «рафинирует» ее. Мы видим, что анализ исторического движения позволяет констатировать существование подобной тенденции. Следовательно, правомерно сформулировать положение о соответствующей направленности исторического процесса. Но, во-первых, ей можно противопоставить и иные объяснения. Во-вторых, уверенность в правильности вывода о прогрессе не гарантирует автоматизма его в будущем. В-третьих, как любая крупная идея, она сформулирована в абстрактном и общем виде, а поэтому для использования в практических целях требует довольно сложных пояснений, поскольку приходится исходить из принципиальной невозможности из одного только общего давать исчерпывающие ответы на частные вопросы. В-четвертых, фигурально говоря, концепция прогресса страдает односторонностью (и следовательно, ограниченностью) генетически. А любой односторонний подход, по определению, не может дать полной картины (как портрет в профиль не покажет лицо в анфас).

С учетом таких ограничений и уточнений понятие «прогресс» способно обрести более нейтральный смысл. Исчезает также основание отказываться от него (что часто есть своего рода протест против абсолютизации и идеологизации категории)²³⁰.

В этом параграфе я предлагаю свой вариант того, как можно использовать понятия прогресса и его критерия, для того чтобы структурировать теорию, сравнивать исторические периоды, общества и пр. Само собой, что правомерны и иные, чем мое, решения проблемы. Однако любая научная концепция должна соблюдать определенные методологические правила. Например, надо ясно понимать, **что любой критерий имеет изъяны, и поэтому предпочтение его перед другими дает не только плюсы, но и минусы. Следовательно, неизбежно приходится делать выбор между приобретениями и потерями.** Самое главное – представлять последствия того

²³⁰ Вместе с Ницше уместно было бы сказать: «...преждевременно и почти бессмысленно верить, что прогресс должен наступить необходимо; но как можно отрицать, что он возможен?» (Ницше Ф. Соч. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 255).

или иного теоретического решения, тогда выбор будет осознанным и обоснованным.

Из ряда альтернатив следует избрать наиболее удачную, но не менее важно понимать, **что наиболее объективная картина будет, только если мы научимся переходить от одного аспекта к другому и точно определять границу действия каждого.**

Определения прогресса в нашей науке восходят еще к идеям Гегеля²³¹. Обычно прогресс объясняется как «такое направление развития, которое характеризуется переходом от низшего к высшему, от менее совершенного, к более совершенному»²³². А общественный прогресс – как «такое развитие общества или отдельных его сторон, которое в основном характеризуется: направленностью (восходящее развитие); необратимостью изменений (возникновение качественно новых возможностей, не существующих ранее)»²³³.

В этих, во многом верных формулировках налицо те же родовые недостатки, что и в определениях закона. Попытки подогнать огромное разнообразие под одну абсолютную, универсальную формулу и тем самым представить прогресс почти одинаковым и на уровне общества, и в рамках планеты, и в начальных, и в современных стадиях; убеждение в том, что прогресс «имманентен» обществу, а стало быть, все они одинаково способны к развитию; стремление определить один критерий для всех уровней и периодов и т. п. – все это делает теорию прогресса сильно идеологизированной и мало практичной, а в результате – очень уязвимой для критики.

В моем понимании прогресс – это научное представление, выраженное в форме системы законов о развитии природы и общества (человечества), которое в определен-

²³¹ «Таким образом, в существовании развитие является движением вперед от несовершенного к более совершенному, причем первое должно быть рассматриваемо не в абстракции, лишь как несовершенное, а как нечто такое, что в то же время содержит в себе свою собственную противоположность, так называемое совершенное, как зародыш, как стремление» (Гегель Г. Философия истории. С. 54).

²³² Крапивенский С. Э. Социальная философия. Волгоград, 1994. С. 285.

²³³ Основы философских знаний: Учеб. пособие. М., 1994. С. 94.

Или как «восходящее, поступательное развитие человеческого общества от низших ступеней к высшим» (Философская энциклопедия. Т. 4. С. 381).

ном аспекте видится нам как движение от простого к сложному, от низшего к высшему и т. д. и позволяет в достаточной степени объяснить ход эволюции.

Общественный прогресс – научное представление, выраженное в форме системы законов о разворачивании исторического процесса, развития человечества и отдельных обществ (или их элементов), которое можно представить как их усложнение, совершенствование и т. п. Идея прогресса позволяет нам сравнивать одни общества и эпохи с другими по количественным и качественным характеристикам, по принципу сложности, совершенства и прочему, а также понимать, что прогресс не всеобщ, не может протекать без соответствующих условий, в реальности неразрывен с регрессом и застоем.

Итак, прогресс описывается не единым законом, а их системой, объединенной общим принципом, причем в каждом случае надо скрупулезно доказывать и обосновывать такое движение от простого к сложному, от низшего к высшему, поскольку от уровня к уровню, от периода к периоду, от общества к обществу и от его одного элемента к другому это изменение предстает в различном виде. Следовательно, наша задача – найти способы такого сравнения и сопоставления.

Существует большая необходимость среди всех уровней выделить два базовых: **общечеловеческий и конкретно-общественный**. Как они соотносятся?

Благодаря все большей интеграции, контактам и тому, что Г. Тард называл подражанием, частные достижения в отдельных обществах становятся достоянием человечества, а следовательно, **прогресс человечества в любом случае выступает гораздо более полным и системным, чем прогресс в отдельных обществах.**

Ведь развитие человечества – это сложный баланс подъема и упадка его составляющих обществ, поэтому мировое развитие несводимо к изменению состояния его частей.

Во-первых, только некоторые достижения включаются в общую их сумму. Даже сегодня, при развитости обмена информацией. И тем более – в прежние эпохи. При этом вклад

разных обществ и народов в общечеловеческую «копилку» очень сильно различается. Кроме того, мировой прогресс складывается не только из успехов отдельных обществ, но и в результате развития межгосударственных и коллективных отношений. Его эпохальные этапы часто не совпадают со взлетом прогресса в конкретных обществах.

Во-вторых, прогресс (и само существование) каждого государства и народа, особенно прежде, мог быть конечным (вспомним СССР), а прогресс человечества, по крайней мере в сопоставимых интервалах, можно представить бесконечным. В-третьих, планетарное развитие вовсе не говорит, что и все общества одновременно прогрессируют. Напротив, разделение общечеловеческого и конкретно-общественного уровней прогресса как раз и связано с той фундаментальной идеей, согласно которой не все общества развиваются по прогрессивному направлению, а только часть их (даже меньшинство). Среди группы обществ, представляющих определенную ветвь исторической эволюции, только некоторые способны к переходу к новому. Из остальных одни идут в тупик, другие – уничтожаются, третьи – поглощаются и т. п. Конечно, и эти социальные организмы создавали что-то новое в не столь важных областях, но чаще служили общим фоном истории, возможностью для распространения прогрессивного путем заимствования или насильственного внедрения. Были и народы, которые прославились только тем, что разрушали чужое, выполняя роль слепых сил истории. Следовательно, общий полный прогресс, который мы учитываем в развитии человечества, складывается не только из частичных прогрессов разных обществ, которые становятся общим достоянием путем перенимания и подражания, навязывания и насильственного внедрения и т. п., но также и из сочетания тупиковых и перспективных вариантов развития, отдельных прогрессов и регрессов, направлений развития с разным знаком и т. п.

Итак, **лишь часть обществ оказывается реально (фактически) способной к прогрессу.** Да и сам прогресс в них выглядит частичным, выборочным. Наряду с выдающимися достижениями в религии или науке, военном или государ-

ственном деле, производстве и т. п., в других областях они могли быть весьма посредственными или даже отсталыми. Но в любом случае, как мы уже неоднократно говорили, переход к новому есть достижение не одного этого проходного общества, но суммирование успехов предыдущих и современных обществ, всего хода эволюции. И вот это пересечение общего и конкретного развития я **называю близостью к генеральной линии исторического развития.**

Понятие «генеральной линии» исторического развития, которое я уже несколько раз использовал, очень важно для теории исторического процесса. О нем будет обстоятельная речь в следующей части. Полезно оно и для определения прогрессивности отдельных обществ и эпох. Пока условно его можно определить как некую теоретическую модель «главного» (относительно постулатов теории) пути развития человечества. Естественно, что в зависимости от избранных исходных посылок эта линия может выглядеть по-разному, но даже и у самых ярких оппонентов в определенных моментах она неизбежно совпадает.

Для глубокого понимания концепции прогресса совершенно необходимо учитывать особенности формаций и крупных периодов. В каждом из них содержание этого понятия становится во многом иным. И то, что было для определенных эпох маяком, позже расценивается как регресс. Соответственно меняется и содержание термина «критерий прогресса»²³⁴, о чем еще будет речь. Такой взгляд хорошо увязывается с тем, как были представлены в параграфе 1 изменение значимости движущих сил от формации к формации и процесс трансформации типов эволюции. Уместно вспомнить и о переходе от малоосознанной к осознанной деятельности. Все это дает нам возможность различать такие типы прогресса, как **стихийный** (естественно-эволюционный) и **сознательный** (планируемый); **частичный – системный**. Связаны с этим также типы:

²³⁴ Ведь прогресс – понятие относительное и, как любое сравнение, требует точки отсчета. Но этот исходный уровень постоянно меняется. Например, сегодня Россия по сравнению с США сто лет назад колоссально впереди. Но это нас не устраивает и не может устраивать: мы хотим быть вровень с сегодняшней Америкой!

самостоятельный – заимствованный (вариант – насильственный); различающиеся по источнику развития: **внутренний – внешний.**

Вместе с изменением характера эволюции и увеличением роли сознательной деятельности меняются и формационные типы прогресса. Весьма условно их можно назвать так:

- I формация – **приспособление к природе;**
- II формация – **аграрно-цивилизационный;**
- III формация – **индустриально-торговый;**
- IV формация – **научно-информационный**²³⁵.

В рамках отдельной формации в каждом обществе в зависимости от направления его развития единый тип прогресса предстает частичным или специализированным. Для первой формации можно выделить подтипы, связанные с разными природными зонами и формами хозяйства (например, **охотничье-сезонный полярных областей, охотничье-кочевой степей** и др.); для второй – **религиозно-культурный, сельскохозяйственный, торговый, военно-экспансионистский** и ряд других типов. Для третьей – **промышленный, политико-правовой, национально-идеологический** и др. Для четвертой – **военно-промышленный, технотронный, интеграционный** и др. (в последней формации типы еще полностью не проявились).

Сказанное позволяет теперь нам сформулировать несколько законов, характеризующих прогресс. Мы выяснили, что общий прогресс человечества во времени и пространстве есть сосуществование прогресса и регресса, подъема и упадка разных обществ. Это можно выразить так: **всемирный (человечества) прогресс есть сложная сумма прогрессов, регрессов и застоев многих обществ.** И по правилу соотношения целого и элементов общий прогресс не сводим к простой сумме достижений отдельных народов.

²³⁵ Обозначения, конечно, могут быть иные, ибо ни один термин в названии не охватывает всего объема содержания понятия. В данном случае задача, на наш взгляд, – возможно короче обозначить тип. В зависимости от общей концепции мы и выделили более главный и системный моменты.

Второй закон я бы назвал **законом противоречия**. Его суть в том, что любой прогресс имеет своим спутником (обратной стороной) регресс²³⁶. Причем пропорции этого соотношения очень сильно различаются. То, что прогресс и регресс сосуществуют, не только не парадокс, но как раз доказательство того, что формулируемые нашим сознанием законы и положения расчлениают единую действительность²³⁷. И чтобы не впасть в односторонность, необходимо помнить об обоюдоостром свойстве сознания: разлагать нераздельное.

Поскольку любой прогресс можно представить также и регрессом (и наоборот), задача в том, чтобы определить пропорции этого соотношения (с учетом избранного ракурса и поставленной задачи) и понять, когда нужно обратить внимание на оборотную сторону, а когда, напротив, можно отвлечься от нее. Желательно также понять, какие условия делают данное качество в одних случаях ярким, в других – нет.

Следовательно, формула прогресса в том, чтобы проявляться в видимых противоречиях: создавая – разрушая, облегчая – усложняя, освобождая – угнетая и т. п. Это одна из причин столь разноречивых оценок одного и того же исторического события. Таким образом, люди, решая одни проблемы, раньше или позже этими действиями создают другие, нередко парадоксальные по отношению к прежним. Так, уничтожение нужды вызвало проблему перепотребления.

Третьим законом можно считать **изменение характеристик прогресса и его ускорение**. Об изменении от этапа к этапу мы уже сказали. Ускорение же прогресса ведет к тому, что человечество все сильнее интегрируется. Отсюда неизбежно то, что части его начинают все больше обуславливать друг друга, все сильнее устремляться за общим течением. Конечно, это процесс большой длительности, но если он приведет к созданию более-менее организованной общечеловече-

²³⁶ Эта идея выражена и в народной мудрости: «Нет худа без добра».

²³⁷ Было бы неправильно, подобно Коллингвуду, утверждать, что «если есть какая бы то ни была потеря, то проблема ее сопоставления с приобретением становится неразрешимой», поскольку прогресс, в его толковании, есть только «чистый выигрыш без каких бы то ни было потерь» (Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 314).

ской системы, то представления о прогрессе должны будут кардинально измениться.

Итак, идеальный прогресс, то есть развитие, при котором не теряется ничего положительного, а лишь отрицательное, может только мыслиться. Такой **абсолютный прогресс** есть своего рода цель, подобная достижению абсолютной истины. Мы же сверяем какой-то реальный прогресс по **степени его относительности** (соотносительности) к абсолютному. Однако, думаю, можно говорить о том, что в последние столетия прогресс стремится к тому, чтобы стать **более системным**, поскольку и само человечество все больше стремится стать системой, а многие современные общества желают создать механизмы саморегуляции и развития.

Разговор о критерии прогресса лучше предварить рассмотрением вопроса о соотношении прогресса и человеческого благополучия, удовлетворенности жизнью и т. п., словом, всего того, что социологи прошлого кратко называли счастьем. Почему это столь важно? Дело в том, что в последние несколько лет в нашей философской литературе участились утверждения о том, что критерием прогресса «может выступать только сам человек»²³⁸, его положение в обществе, рост благосостояния и т. п. Причем без сколько-нибудь развернутой методологии этого критерия²³⁹. То, что философы обратились к гуманистическому аспекту, – замечательно. Однако при этом они, кажется, забывают, что оценка моральная и

²³⁸ См.: Основы философских знаний. С. 95.

²³⁹ Более благоприятное впечатление оставляет следующий подход: «Таким интегративным, значит, наиболее важным, критерием прогресса выступает **уровень гуманизации общества, то есть положение в нем личности**: степень ее экономического, политического и социального освобождения; уровень удовлетворения ее материальных и духовных потребностей; состояние ее психофизического и социального здоровья. Заметим, кстати, что внутри этого сложного по своей структуре индикатора можно и нужно выделить один, по сути дела, синтезирующий в себе все остальные. Таковым, на наш взгляд, является **средняя продолжительность жизни**» (Крапивинский С. Э. Социальная философия. С. 290). Особенно ценным, на мой взгляд, будет именно синтезирующий критерий, который легко формализуем и удобен в сравнении. Но он может быть пригоден лишь в современную или близкие к нам эпохи. Хотя бы из-за скудости данных, отсутствия статистики для большинства периодов, или потому, что еще сравнительно недавно войны и революции были двигателями прогресса. Он также нуждается в конкретизации для разных уровней, эпох и обществ. Например, как оценить последние несколько лет в жизни России: как прогресс или как регресс? По факту сокращения продолжительности жизни это регресс. Но будет ли объективной такая оценка?

оценка научная – разные вещи²⁴⁰. В результате проблема прогресса и его критерия уводятся в сторону от возможного решения.

Наука имеет дело с изучением каких-либо объектов, и потому ее главное назначение – точнее исследовать и описать их, а если возможно, показать способы практического применения полученных знаний. Она не должна изменять истине, даже если последняя задевает моральные или идеологические положения²⁴¹. Известный французский историк Фюстель де Куланж говорил: «Патриотизм – добродетель, а история – наука; их нельзя смешивать». Эта мысль прекрасно подходит к соотношению морали и науки. Их также нельзя смешивать. Но они во многом и связаны. Наука не отрицает и не игнорирует мораль²⁴². Напротив, только точное знание при правильном применении и соответствующем общественном устройстве способно стать исходным пунктом в улучшении жизни. Самое главное в указанном плане – чтобы полученные данные и выводы применялись в моральных, а не аморальных целях. Но это уже зависит от общественной системы, регулирующей такие процессы. С другой стороны, любые, самые привлекательные моральные установки могут быть использованы в отвратительных целях. Каждый из нас приведет примеры этого и в советский, и в постсоветский периоды.

Поэтому попытки прямо приложить моральную оценку к понятию прогресса ненаучны и оттого ошибочны и даже вредны. Прогресс – это самый сложный процесс, который можно попытаться сделать менее болезненным и более гуманным, лишь глубоко поняв его, и никакие благие пожелания не помогут, если нет условия для их реализации.

²⁴⁰ В данном случае я считаю философию истории гораздо ближе к науке, чем к вненаучной философии.

²⁴¹ От того, что мы не признаем наличие бессознательного, открытого Фрейдом, причем бессознательного, во многом аморального, толкающего нас к нехорошим вещам, люди лучше не становятся. А от того, что мы следуем ложным (но таким моральным) идеям о том, что человек по природе добр или что у людей одинаковые способности, мы только вредим воспитанию детей.

²⁴² Конечно, как и любой другой вид деятельности, наука без контроля может стать общественно вредной, и поэтому нуждается в определенных ограничениях и рамках. Сегодня это становится все очевиднее.

Мне бы хотелось, однако, не только показать, как и почему следует разделить научный и моральный подходы к прогрессу, но и каким образом и в чем эти подходы способны совместиться.

Как уже сказано, связать прогресс и счастье, оказывается, очень нелегко²⁴³. Недаром Маркс говорил, что прогресс в течение всей истории уподоблялся «тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых²⁴⁴. Во-первых, само понятие счастья меняется раз от раза. Для тех, кто недоедает, счастье – есть досыта, для тех, кто переедает (как в современных обществах), счастье – есть много и вкусно, но не болеть и не толстеть. Во-вторых, существует огромная разногласия во мнениях, и примирить их невозможно²⁴⁵. Не будем же мы выяснять это путем всеобщего голосования. К тому же принуждение нередко уничтожает удовлетворение от достигнутого. В-третьих, общее счастье (если признать, что оно существует) не сводится к лозунгу Иеремии Бентама о наибольшем благе для наибольшего числа людей. Нет, это самый сложный компромисс целей, желаний, удач и трагедий множества людей даже не из одного, а из ряда обществ. Общественная жизнь насильственным и далеко не лучшим образом примиряет все это. Причем в каждом случае эти проблемы решаются по-своему, используются

²⁴³ П. Сорокин еще в начале века в статье «Социологический процесс и принцип счастья» рассмотрел такое соотношение и пришел к выводу: «...можно признать исторический процесс прогрессом, но зато из понятия прогресса приходится исключить точку зрения счастья; если же критерием прогресса становится счастье, то само существование прогресса становится проблематичным» (Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 509).

²⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 230.

²⁴⁵ Еще в детстве мне запомнились слова А. Гайдара: «Что такое счастье – это каждый понимает по-своему». Действительно, сколько людей – столько мнений. Но если попросить сформулировать – что такое счастье для тебя, многие, вероятно, затруднятся или дадут глупый, пошлый ответ. Кроме того, получив желаемое, большинство людей вдруг осознает, что они хотели совсем не то или что не в этом счастье, или что они не могут жить без чего-то еще и т. п.

Стоит также отметить, что чем более развит человек, тем меньше он удовлетворяется имеющимся. И многие религии, учитывая эту особенность, делали главный упор именно на том, чтобы отречься от всего суетного, мирского, житейского. С другой стороны, нередко люди ограниченные и есть самые счастливые.

особые методы принуждения и компенсации²⁴⁶. В-четвертых, наибольшее счастье (в принципе невозможное), когда люди удовлетворены всем и всегда. Но если бы такое «счастье» вдруг осуществилось, то в ту же минуту прогресс остановился бы, ибо тогда исчез бы двигатель к развитию и улучшению.

Очевидно, что прогресс, одновременно ведущий к положительным изменениям в жизни большинства людей, лучше такого, который повышает благосостояние лишь меньшинства и использует остальных только как материал для этого. Однако улучшение жизни есть столь многообразный и многомерный процесс, что возникает вопрос: что именно и как менять? Больше есть или больше учиться, путешествовать? Больше потреблять или, напротив, ограничивать потребление? Давать больше свободы или уже меньше, так как человек точно в соответствии с мыслью Канта «обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних»²⁴⁷. Другими словами, благополучие и счастье на все времена определить невозможно. Они точны в каждой стране, эпохе, общественном слое: всегда и похожи, и непохожи; они никогда не достижимы, как горизонт. Следовательно, столь разноречивое, изменчивое и субъективное понятие не может быть критерием всего исторического процесса или больших его периодов. Но у подобных идей есть собственное, даже более высокое назначение: они цель жизни и двигатель развития, источник противоречия и т. д.

Представления о счастье способствуют общественному прогрессу, но не могут быть использованы как научный критерий этого прогресса. Стоит пояснить, что для оценки прогресса в определенных целях можно применить различные по типу критерии: моральные, идеологические (например, с позиции Родины, рабочего класса, интересов своей нации и другие), общефилософские или какие-то еще. Но все они в корне отличны от **научного критерия**, который подходит для объективной и даже в чем-то формализованной оценки. Назовем его **историко-социологическим критерием**. Тем не менее, выделив типы критериев, желательно было бы подумать, а

²⁴⁶ Такие компенсаторы трудностей жизни, неудач и пр. могут быть в виде религии, национальной, корпоративной гордости, психотерапевтических лечений, возможности иметь отдушину в алкоголе, сексе и т. п.

²⁴⁷ Цит. по: Философия истории. Антология. С. 62.

нельзя ли все-таки как-то совместить их, особенно научный и моральный?

Мне кажется, до известной степени можно. Во-первых, стоит отметить, что если, по субъективному мнению, счастья и не прибавилось, то страданий определенно убавилось: войны, эпидемии, смерть близких (особенно детей), физическая боль, голод и т. п. стали более редки, чем в прежние времена. Это все достижения прогресса²⁴⁸.

Во-вторых, прогресс выступает как результирующая многих сил, в числе которых все большее место занимает стремление к благополучию и счастью.

В-третьих, подобные идеи постепенно превращаются в какой-то степени в составную часть и историко-социологического критерия прогресса. Это происходит, когда из пожеланий и лозунгов они становятся реальностью, социологическими фактами. Но, конечно, такой переход от декларации к практике очень часто не совпадает с ожиданиями²⁴⁹. Следовательно, множество таких достижений (как равенство перед законом, ограничение рабочего дня, уменьшение смертности, всеобщность образования и т. п.), которые закрепились в общественном бытии и сознании, можно систематизировать и для каждого общества определенной эпохи описать как некий **стандарт благополучия**. Примерно так, как такие стандарты делаются, чтобы измерять уровень жизни. Этот прием, конечно, годится прежде всего для сравнения обществ, ближайших к нам и современной эпохи. Однако он органически вписывается в общую концепцию прогресса и его критерия.

В-четвертых, достижения прогресса в нынешнем виде можно представить как **равнодействующую эволюционного развития (не планируемой прямо деятельности) и различ-**

²⁴⁸ Разумеется, есть и противоположные его проявления: ухудшение наследственности, ослабление здоровья, загрязнение окружающей среды и т. п. Но в этом плане все же баланс в пользу прогресса.

²⁴⁹ Нередко мы наблюдаем, насколько верными оказываются изречения вроде «Благими намерениями вымощена дорога в ад» или пословицы «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Мы также можем хорошо представить степень соответствия лозунгов и их реализации. Россияне (и бывшие жители СССР) за последние 10–12 лет увидели, как идеалы рынка, конкуренции, национализма, демократии, свободы слова и пр. показали не только лицевую, но и обратную сторону.

ных критериев (то есть целей, которые стояли перед субъектами исторического процесса, представляя собой результат их воздействия). В этом плане можно различать два типа прогресса: **естественно-исторический**, то есть возникающий как результат не планируемых в таком смысле действий, и **прогресс, планируемый сознательно.** История в этом ключе видится как переход (но переход бесконечный) от стихийного и потому очень медленного (а нередко жестокого и мучительного) прогресса к прогрессу планируемому, где уже нельзя не предусматривать и рост человеческого благополучия. Однако в любом случае он сможет вместить столько счастья, сколько позволяет общественная реальность, а не сколько хочется.

Возвращаясь к вопросу о критерии прогресса, можно отметить, что если отождествлять его с самим прогрессом, а последний видеть объективным законом, непримиримые и бесплодные споры о том, что будет таким критерием, неизбежны. Ситуация решительно меняется, если его рассматривать не как абсолютный и вечный показатель, а в теснейшей увязке с относительностью самого прогресса, поскольку, как мы видели, содержание этой категории меняется от уровня к уровню, от периода к периоду, должно изменяться и представление о критерии. Трансформируется он также в зависимости от поставленной задачи и исходных посылок теории.

Единый и строгий критерий мог бы быть только в случае, если бы прогресс шел в одном количественном отношении. Тогда его можно было бы измерять как какую-нибудь физическую величину (например, расстояние). Но мы понимаем, что количество раньше или позже переходит в новое качество. А чтобы сравнить разные качества, нужно иное основание, чем характерное лишь для каждого из них. Следовательно, прогресс может измеряться одной мерой только в определенных рамках, за пределами которых критерий его трансформируется²⁵⁰.

²⁵⁰ В некоторых случаях критерием перехода к новому качеству будет успешность решения обществом стоящей перед ним задачи, которое мы оцениваем как верный ответ на вызов, как мостик, ведущий к магистральному пути.

Итак, одного критерия на все случаи жизни быть не может. Тем не менее есть смысл говорить о едином критерии для исторического процесса. Но только как о принципе, как о том общем, что есть в различных критериях, избираемых для разных масштабов, как об абстрактном качестве, принимающем самые разные очертания в разных контекстах. И, конечно, требуются достаточно сложные методики, чтобы увязать все в общей концепции.

Говоря о соотношении прогресса и критерия, мы должны также рассматривать их как взаимоотношения системы и отдельного элемента. А это значит, что один элемент не может определять всю систему, и в то же время общие системные свойства так или иначе сказываются на любом элементе. Следовательно, никак нельзя полагать, что весь прогресс заключается в прогрессе одной его составляющей. Критерий лишь показатель прогресса. А последний может происходить одновременно в разных сферах, частях и направлениях, число которых вместе с развитием человечества все растет. Критерий – это лишь один из признаков прогресса. Цель выделения такой категории – облегчить распознавание прогресса в сложнейших и запутанных процессах изменений. Им, в принципе, может стать любой элемент системы: наиболее бросающийся в глаза, главный, по мнению исследователя, чем-то выделяющийся и т. п. Но, конечно, наилучшим решением будет совпадение субъективности ученого и объективной значимости, которое Тейяр де Шарден образно сравнивал с перекрестком, откуда наблюдателю открывается особая перспектива.

Кроме уже описанных моральных, идеологических и научных критериев, можно выделить следующие их типы.

1. Относительно главный в данной системе. То, что в ней нет полностью независимых элементов, ясно. Но, как уже говорилось, с позиции принципа релятивизма можно выделить относительно главные²⁵¹. П. Сорокин считал, что «методоло-

²⁵¹ Предположим, что у человека заболело сердце и стало плохо гнать кровь. Очевидно, что, хотя в организме все связано, врач прав, когда говорит: «Самое главное – вылечить сердце, тогда все восстановится». То же и в развитии.

гически в качестве независимой «переменной» можно взять любой фактор или любое условие. Речь здесь может идти лишь о научной продуктивности исследования той или иной связи, а не о какой-то predetermined важности того или иного фактора, в силу его природы»²⁵². С этим можно согласиться. Но стоит добавить, что научная продуктивность в огромной степени зависит именно от совпадения субъективных представлений и объективного положения дел. И когда исследователю удастся нащупать элементы или факторы, более фундаментальные в рамках определенной системы координат, эффект его изысканий резко возрастает. Поэтому хотя теоретически относительно главным элементом действительно может быть любой элемент, но научно-продуктивными из таких будут лишь немногие.

2. Критерием могут быть и формализованные величины или даже просто формальная характеристика, подобно тому как знания оцениваются в баллах. Но любая такая величина отражает некое качество (размеры, темпы и т. п.). Тем не менее формальный критерий может быть наилучшим, поскольку он есть продукт конвенции, нейтрален и вызывает меньше споров. И там, где его можно применять, часто незаменим. Современные общества без таких показателей, как валовой внутренний продукт (ВВП), национальный доход на душу населения, жизненный уровень, продолжительность жизни и прочее, оценить почти невозможно. Тем не менее сам по себе подобный показатель без увязки с общим анализом может ввести в заблуждение, как медицинский анализ автоматически не означает болезни или здоровья.

Поэтому считать формальный критерий абсолютно верным – большая ошибка. Он всегда усреднен и – результат конвенции – компромиссен. Любой критерий однокбок, и это в равной степени относится и к формальным²⁵³.

²⁵² Цит. по: Медушевский А. Н. История русской социологии. С. 136.

²⁵³ Так, очень часто сравнивают развитие по ВВП или доходу на душу населения. Но, во-первых, существуют разногласия в подсчете этих величин и весьма серьезные (например, как включать нелегальное производство и доходы), во-вторых, они сильно зависят от богатства природы (в тех же странах ОПЕК), структуры населения и прочего.

3. Можно выделить также **комплексные критерии**²⁵⁴, то есть такие, в которых как бы преломляются показатели развития многих сфер, фокусируются достижения разных областей²⁵⁵.

4. Критерии в рамках исторического процесса также отличаются по тому, надо ли нам сравнивать общества в синхронном «срезе», что можно обозначить как **синхронный, или критерий по современности** (хотя он может относиться к любому историческому периоду); или в зависимости от исторического результата, то есть взятый в диахронном «срезе», ретроспективно **критерий по близости к «генеральной линии» истории**.

5. Следует выделить **общие**, то есть годящиеся для сравнения всех обществ определенного множества, и **специфические**, то есть показывающие особенность отдельных эпох, цивилизаций, обществ и т. д.

Каждый тип может иметь разное содержание в зависимости от взглядов и пристрастий ученого, а также иных вещей. Выбор типа критерия и его конкретного содержания во многом зависит и от поставленной задачи. Например, если речь идет о всеобщем прогрессе для современности, то таковыми могут быть разные (например, качество жизни, экологический уровень деятельности общества и пр.), но почти все они мало годятся для прежних эпох. Если нужно выделить критерий развития для нашей страны, то он предстанет совсем иным, чем в развитых. Так, для России лучшим показателем сегодня были бы высокие темпы роста производства, уровня жизни и т. п. Но в странах с высоким уровнем потребления, возможно, уже следует думать о его стабилизации или даже сокращении. Для каких-то задач явно недостаточно одного критерия, а нужно несколько. Однако в каждом случае желательно строить их

²⁵⁴ Похожий тип выделяет Крапивенский. Он называет его «интегративным, то есть пропускающим через себя и впитывающим в себя изменения буквально во всех сферах жизни общества» (Крапивенский С. Э. Социальная философия. С. 290).

²⁵⁵ Например, в современных производительных силах все больше учитывается то, что называется человеческим фактором: то есть удовлетворение трудом, безопасность, благосостояние и даже здоровье. В определенной мере и долголетие. А в будущем (если развитие пойдет нормально) все заметнее должно включаться бережное отношение к природе, плюс пропорциональность развития.

иерархию по важности, объективности (или нечто вроде таблицы соотношения), что уменьшит односторонность взгляда. Критерии, естественно, зависят от полноты наших знаний, поэтому для каждой эпохи и общества мы исходим во многом из различных условий.

Итак, абсолютного критерия нет. Проблема, стало быть, в том, чтобы **создать методику использования данной идеи для определения прогрессивности**. Тогда можно будет интегрировать разные подходы и использовать разные методы.

Я думаю, что при прочих равных условиях наилучшей окажется та концепция, в которой удастся совместить органически больше типов критериев и логичнее все это связать.

Как мы выяснили, категория «прогресс» нужна, чтобы было удобно определять уровень развития. Посмотрим теперь, какого рода бывают такие сравнения. Во-первых, категорию прогресса можно приложить ко всему историческому процессу, чтобы сопоставить наиболее крупные его периоды. Это могут быть, например, доиндустриальный, догосударственный, доцивилизационный и т. п. и соответственно индустриальный, государственный и т. п. периоды. А могут быть общественно-экономические формации. Подход зависит от взгляда на периодизацию.

Для крупных периодов формальные критерии мало годятся. Ведь эти этапы видны и так, задача лишь в том, чтобы определить наилучшие основания и рубежи. Здесь нужны относительно главные критерии. Для сравнения формаций я полагаю возможным в качестве такого взять переход к **качественно новым мировым производительным силам** (это понятие в моей концепции называется «**принцип производства**», и о нем будет в следующей части очень обстоятельный разговор)²⁵⁶.

²⁵⁶ Такой переход совершается в результате производственной (не следует путать с технической) революции. Конечно, чтобы она совершилась, необходимо накопление множества изменений во всех сферах. Но только выход на принципиально иной производственный уровень позволяет сделать процесс перехода к новой формации мировым и необратимым явлением (аргументация этого тезиса в следующей части).

Таких формаций я выделю четыре, но есть смысл обозначить также и производственные рывки внутри их, ведущие формацию от начальных стадий к зрелости.

Однако указанный критерий **смены принципа производства** (или если нужен меньший масштаб – **переход на новый этап принципа производства**) применим прежде всего в мировом или, точнее, формационном масштабе. К отдельным обществам он приложим лишь в ограниченной мере. Это объясняется тем, что, как уже говорилось, из ряда исторических линий развития только некоторые могут привести к качественно высшему этапу (в нашем случае – к революции в производительных силах). Общества, способные сделать такой производственный рывок, можно считать наиболее прогрессивными, если исходить из близости к «генеральной линии» истории²⁵⁷. Если же делать синхронный «срез», то окажется, что общества, в которых доминирующими являлись иные сферы, чем производство (религия, государство и т. п.), и которые сделали в этих направлениях значительные успехи, нередко превосходили во многих отношениях указанные «производственные». Следовательно, в этом плане (критерий по современности) они были прогрессивнее²⁵⁸. Такой подход только лишний раз доказывает относительность прогресса и сложность любого сравнения.

Однако хочу подчеркнуть, что ни принцип производства, ни производительные силы я не свожу только к технике (как это нередко делается и сторонниками, и противниками таких взглядов).

²⁵⁷ Во всяком случае, так было до сих пор, но возможно, что в будущем производственный момент окажется наиболее важным в плане прогресса.

²⁵⁸ Если сравнить, например, Сев. Италию и Китай XII – начала XIII вв. (до нашествия монголов), то по уровню государственности, культуры и многого другого мы, без сомнения, отдадим первенство Китаю. Но глядя на этот вопрос ретроспективно, увидим, что в Италии уже создаются предпосылки качественно иного уровня торговли, денежного и кредитного обращения, разделения труда, техники и т. п. И в плане близости к генеральной линии государства Северной Италии прогрессивнее Китая.

Аналогично обстоит дело, если брать за критерий любой другой аспект. Так, к числу исторических народов часто относят древних иудеев. Почему? Ясно, что критерий тут – религия. Но были ли в целом культура, государственность, наука евреев выше других современных им народов? Вряд ли. Скорее, ниже иных: египтян, индусов и пр. Однако они создали монотеистическую религию, к тому же – «мать» христианства. Следовательно, по близости к «генеральной линии» (да еще с учетом влияния на рождение ислама) – это действительно одно из самых прогрессивных обществ древности. Но по синхронному критерию – его место намного ниже. В этом плане мне кажется только отчасти верной мысль о несравнимости культур. По близости к «генеральной линии» их относительно легко сравнивать.

На основе мирового (относительно главного) критерия мы выделяем особый для каждой формации, но в целом имеющий прямую связь с принципом производства. Мы называли его общим критерием. Что же он представляет и обозначает? Он хорош уже тем, что годится для всех (или хотя бы большинства) обществ, позволяет сравнить каждое с каждым. Но общий критерий в конкретных социумах необязательно окажется важнее специфического. Последние нередко сильнее²⁵⁹. Кроме того, общее имеет также свойство быть для историка менее заметным, интересным, ценным и т. п., просто потому, что оно есть у всех, а особое – лишь у некоторых. Однако для теоретика дело обстоит наоборот.

Следовательно, «хорошие» показатели общего критерия не означают и не могут означать непременных и тем более исключительных успехов и в любой иной сфере²⁶⁰. С другой стороны, ухудшение показаний этого критерия будет важным признаком замедления развития общества, застоя или регресса, особенно если это не просто общий показатель, а еще и комплексный, то есть через который можно увидеть состояние целого ряда элементов общества.

Сформулируем, какие требования желательны к такому общему критерию. Он должен быть: а) тесно связан с общечеловеческим, в моей версии с изменениями в принципе производства; б) поддаваться формализации; в) быть комплексным; г) действительно общим, а не относящимся лишь к некоторым обществам; д) по возможности связанным с моральным критерием; е) не препятствовать выделению специфического критерия; ж) связанным с критериями по современности; з) связанным с критерием по близости к «генеральной линии» истории.

На последнем пункте остановимся подробнее. Только что мы вспоминали, что лишь часть направлений и социальных организмов оказывается удачной в плане прогресса. Очень

²⁵⁹ Соотношение здесь примерно такое же, как при сравнении общих и частных законов.

²⁶⁰ Тем более, что некоторые сферы в плане прогресса находятся в обратной пропорции: «Когда говорят пушки, музы молчат», а также ухудшается торговля и многое иное.

схематично формационный цикл развития выглядит так: появившееся новое развивается вширь, дифференцируется и достигает пика, откуда начинается поиск путей к еще более высокому качеству из ряда возможностей, при этом прорыв происходит в относительно узких местах (это и есть близость к «генеральной линии»).

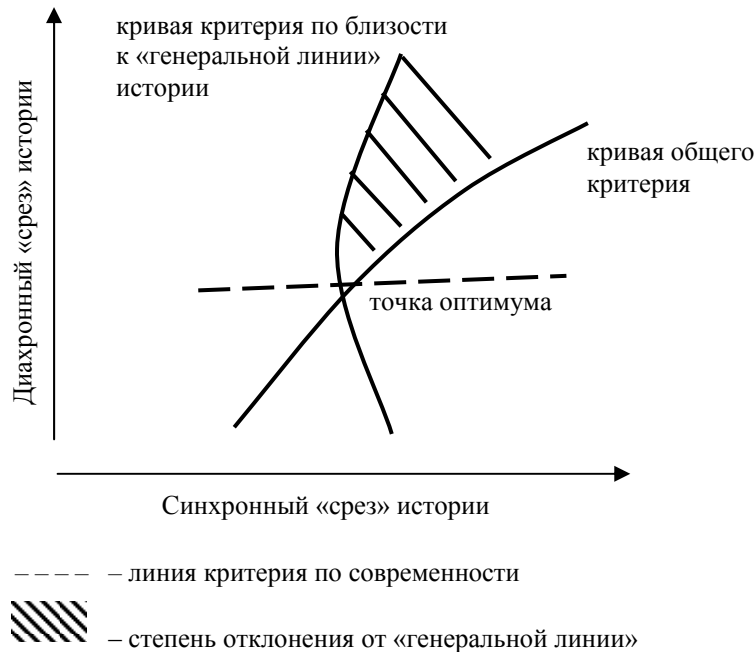
Отсюда важное уточнение для общего критерия. До определенного момента (назовем его **точкой оптимума**) прогресс в количественном и качественном выражении в целом совпадает, поскольку рост количества укрепляет и распространяет, а также доводит до зрелого состояния еще молодое качество. Однако по достижении точки оптимума прежний тип развития наталкивается на определенные препятствия. В ряде случаев, однако, удается их обойти или преодолеть, и прежний курс (и тип прогресса) продолжается. В результате общество начинает удаляться от наиболее удачного для качественного рывка состояния, которое и показывает точка оптимума. Оно теряет прежнюю податливость, его структура костенеет и утяжеляется, в то время как для перехода к новому обществу должно быть достаточно гибким, а не сверхспециализированным и зарегулированным. Назревшие проблемы решаются еще большим усложнением системы или наращиванием каких-то элементов (в том числе и тех, какие мы принимаем за показатель прогресса). Этот рост становится уже гипертрофированным и чем дальше, тем больше показывает не прогрессивность, а путь в тупик, подобно тому, как увеличение мышц у культуриста часто говорит не о здоровье, а о грядущих болезнях. Такой рост в конце концов становится самоедским и начинает разрушать общество, а затем он или прекращается сам, или дело кончается катаклизмами.

Перерастание момента, откуда возможен поворот к новому, к качественному прогрессу, если это выразить графически, есть пересечение кривых критерия по близости к «генеральной линии» истории и общего критерия (см. рис.). Дальнейший количественный рост последнего в плане оценки прогрессивности должен быть скорректирован на степень отклонения

от «генеральной линии» и увязан с совокупным качественным развитием²⁶¹.

Это можно представить как **дифференциацию общего критерия**, причем из дифференцированных одни будут более, другие менее прогрессивными, в зависимости от успешности решения и близости к «генеральной линии» истории.

²⁶¹ Так, сверхтемпы экономического роста в ряде стран далеко не всегда благо. А в целом для человечества есть смысл говорить о пределах роста, и в любом случае – об их оптимизации, поскольку развитие во что бы то ни стало, за счет природы уже не благо. И тем более за счет жизни, свободы, здоровья миллионов, каковой была индустриализация в СССР.

Например, рост населения до определенного предела — благо. Если брать вторую («аграрную») формацию, то очень многие общества сталкивались с проблемой перенаселения. И «демографическое давление», когда увеличение населения доходит до предела, за которым возникают общественные трудности, если не абсолютизировать этот фактор, действительно, один из самых важных моментов в макроистории. Разные народы давали разный ответ на подобный вызов²⁶².

Итак, для каждой формации общий критерий в моем представлении выглядит так²⁶³.

²⁶² Это могли быть: военные захваты, колонизация, развитие торговли, регулирование населения, максимальная интенсификация производства, понижение жизненного уровня, массовое уменьшение населения и т. п. Но лишь немногие в конечном счете оказались удачными в плане формационного прогресса. «Ответ» Афин, расширивших торговлю хлебом, стал основой для последующего их расцвета. «Ответ» ряда европейских стран в виде создания многих городов, специализации территорий и технического прогресса стал основой для развития капитализма.

²⁶³ Чтобы предупредить критику, вновь поясню, что никто не сводит весь прогресс только к одному элементу, но стоит задача выбрать один наиболее удачный момент для выделения критерия, характеризующего формацию до точки оптимума.

I формация – **степень приспособленности к природе**. Отражает идею колоссальной зависимости первобытных людей от природных условий. Показывает соответствие орудий и разделения труда, комплексности или специализации хозяйств и т. п. конкретным географическим условиям²⁶⁴.

II формация – **плотность населения**, если речь идет о сравнении одного и того же общества в тех же географических рамках, и **коэффициент заселенности**, когда нужно сравнить разные по природным условиям общества²⁶⁵. Он рассчитывается как отношение численности реального населения к числу того, которое при данных производительных силах могло бы прокормиться на этой территории.

III формация – **степень производительности индустриального труда**. Именно промышленного, поскольку сельскохозяйственный в огромной степени зависит от природных условий. Рост производительности для последних 2–3 веков хотя бы приблизительно, но можно исчислить, а самый факт его увеличения говорит либо об улучшении разделения труда и специализации, либо о внедрении техники.

IV формация. Поскольку (в моем представлении) она только в начальных стадиях, то главный критерий еще не обрел полной значимости. Таким, вероятно, можно будет считать **степень стабильности обществ**. Думается, важнейшей составной частью такой стабильности станет уровень сохранности и воспроизводства природы при оптимальных темпах развития.

В начальных же стадиях IV формации пока следует считать таким критерием **уровень научно-информационного обеспечения**, без сомнения, много говорящий о развитости общества. Но поскольку наращивание экономического и технического потенциала, как сказано, уже натывается на серьезные

²⁶⁴ В рамках этнографических исследований отсталых народов он может рассчитываться как соотношение числа людей, кормящихся на территории, к числу возможного населения при доземельском хозяйстве. Чаще речь идет об археологических, нередко фрагментарных остатках, но все же дающих представление о степени интенсивности и рациональности хозяйствования. Некоторые ученые используют для такой характеристики понятие «демографическая емкость ландшафта».

²⁶⁵ В этом плане городские государства показали бы высокий коэффициент. Но не всегда нам нужны такие относительно сложные подсчеты, иной раз достаточно убедиться в росте населения. Конечно, для многих периодов такие цифры получаются очень приблизительными, но нередко достаточно и этого.

препятствия, следовательно, развитие формации приближается к указанной точке оптимума. Все эти критерии легко связываются с типами прогресса, соответственно: приспособление к природе; аграрно-цивилизационный; индустриально-торговый и научно-информационный.

Рассмотрим преимущества указанной системы критериев. Во-первых, легко найти родство с относительно главным критерием (сменой принципа производства), поскольку все моменты входят составной частью в понятие производительных сил. Во-вторых, эти критерии формализуются и могут быть представлены даже в конкретных цифрах²⁶⁶. В-третьих, это действительно всеобщие и, в-четвертых, комплексные критерии. Если, например, мы возьмем уровень производительности труда, то ясно, что наивысшая производительность будет в обществах с правовым государством и развитой частной собственностью. То же касается и плотности населения. Люди – главная производительная сила доиндустриальных обществ. И население росло там, где были сильные государство и религия (культура), способные обеспечить прочный внешний и внутренний мир, сплотить общество и создать механизмы поддержания порядка. В-пятых, от общих критериев можно прийти к специфическим, особенно если выделить **промежуточные**, например рост городского населения, и **дополнительные** (развитость частной собственности, права; уровень грамотности и прочее). В связке с общим критерием они способны дать весьма объективную картину.

Авторскую систему общих критериев можно совместить в определенной мере и со взглядами других ученых. Например, выделяемый социологами прошлого критерий **по общечеловеческой солидарности (или эволюции социальной связи)**, на мой взгляд, из всех существующих – один из самых убедительных.

²⁶⁶ Сравнивая по этому показателю, например, земледельческие и кочевые общества, мы сразу видим огромную разницу (иногда в десятки раз) в коэффициенте заселенности, а также ограниченность возможностей прогресса у неоседлых народов. Ибо он при таком населении может идти в очень узких направлениях: военном деле или отдельных изобретениях (типа седла), приручения некоторых животных.

Этот критерий показывает также перекосы в развитии производства, например, при массовой гибели людей на принудительных работах, подобно тому, как это было в Китае, Египте.

тельных. (Правда, само слово «солидарность» не очень согласуется с войнами, геноцидом и прочим. Но дело, конечно, не в словах.) Если спуститься на уровень отдельных формаций, легко увидеть значительные совпадения этого и моего подходов²⁶⁷. В первобытности рост интенсивности хозяйств вел к появлению более крупных и стабильных коллективов, а в целом – к заселению Земли. В аграрную эпоху рост населения приводит к укрупнению и структурированию обществ и увеличению контактов между ними. В третьей формации – рост производительности труда, с одной стороны, основывается на его разделении и специализации, с другой – увеличивает их. А разделение труда (по Э. Дюркгейму) – основа общественной солидарности. И еще более сближаются люди и общества с развитием современных средств транспорта и связи в четвертой формации²⁶⁸.

Помимо общего, можно использовать и **специфические критерии**. Какими они будут, зависит от особенностей общества. Возможны военный, торговый, религиозный, культурный и т. п. уклоны²⁶⁹.

Специфический критерий важен, потому что позволяет понять особость изучаемых обществ, а вместе с общим и с близостью к «генеральной линии» истории дает удачный масштаб для понимания причин яркости проявления тех или иных сторон. Кроме того, легче понять взаимосвязи отдельных элементов и сфер между собой, выяснить прямые и обратные пропорции между ними в плане прогресса и развития.

Кроме перечисленных, могут быть и иные методы сравнения прогрессивности обществ в разные по длительности эпо-

²⁶⁷ Беспристрастный читатель, однако, убедится, что производственный и особенно технический прогресс непременно ведет к увеличению сближения людей (не считая периодов войн), в то время как рост солидарности далеко не всегда ведет к производственному прогрессу. В этом плане (а также в возможности формализации) мой критерий, думается, фундаментальнее и предпочтительнее.

²⁶⁸ Из сказанного ясно, что важно не только определить наиболее удобный критерий, но и что вопрос не должен ставиться строго по правилу формальной логики: или только этот – или только другой критерий. Желательно, насколько можно, с пользой совместить разные подходы, например, ввести понятие параллельных критериев, применение которых позволит увеличить степень точности и достоверности анализа.

²⁶⁹ И они хорошо увязываются с направлениями частичного процесса: военным, религиозным, торговым и т. п.

хи, ведь для тех или иных типов проблем должны быть собственные инструменты анализа²⁷⁰. Но думаю, что в целом читатель уже составил представление о подобного рода процедурах.

Без сомнения, предложенные мною методики (причем едва намеченные) и описанная система критериев достаточно сложны для восприятия и, на первый взгляд, могут показаться даже громоздкими и запутанными. Конечно, выделение одного (причем подробно не разработанного) критерия на все случаи усваивается намного легче и проще. Но боюсь, что эта «простота», по пословице, хуже воровства. Разве не наивно думать, что удастся сравнивать столь разные эпохи, общества и сферы по единому да еще и нечеткому основанию? Подумайте, возьмется ли экономист или социолог дать объективную характеристику малознакомых обществ и оценить их уровень развития по отношению к другим по одному или хотя бы двум-трем показателям, не рискуя крупно ошибиться. А ведь там речь идет лишь о современной, в целом понятной нам эпохе и о международно признанных и обкатанных методах.

Экономической науке, чтобы более-менее верно давать оценку ситуации и делать прогнозы, потребовалось выработать очень развитые методики, сложный понятийный инструментарий; были проведены многие и многие исследования на всех уровнях, создана масса моделей. Причем хороший специалист должен уметь верно избрать нужные ему, переходить от одних к другим.

Почему же в нашем случае должно быть иначе? Можно спорить об адекватности методик и правомерности избранных аспектов, но надеяться найти простой и универсальный метод бессмысленно.

²⁷⁰ Об одном из них см.: Гринин Л. Е. *Философия и социология истории...* Ч. II. С. 97–98.

Необходимо также разработать критерии для переходных периодов, поскольку во время социальных скачков могут быть падение производства, убыль населения, распад общественных и культурных связей и т. п. Однако нередко такие кризисы (войны, революции, завоевания более развитыми народами менее развитых и т. п.) мы все же оцениваем как прогресс, учитывая близость «генеральной линии» истории.

Другого способа превратить догматические и во многом «диктаторские» термины, оторванные от реалий, в инструмент анализа, моделирования, даже прогнозирования; иного пути уйти от односторонности к той объективности, которая открывается не в независимости от сознания, а в выработке все более точных, тонких и специализированных методов познания, я не знаю. И сомневаюсь, что кто-то его укажет.

* * *

Заканчивая философский раздел и переходя к разделу социологическому, в виде итога хотел бы сказать о следующем. Философия истории в том виде, в каком она сегодня у нас существует, больше похожа на метафизику, чем на иные социальные науки. И дело не спасает изложение в нынешних работах множества совершенно различных, несходных и отрицающих друг друга концепций (к тому же также большей частью метафизических). Пусть даже авторы станут предлагать и в несколько раз больше точек зрения, направление, на котором стояла и продолжает стоять эта наука, перспективы не имеет. Никогда философия истории и история не станут органически близкими друг другу, если не начнется работа по созданию многочисленных моделей, алгоритмов, схем, типологий и тому подобных разработок для разных уровней, временных периодов, пространственных объемов, микро- и макропроцессов и т. п.²⁷¹ Это и составит **настоящую теорию истории**. И это будут те самые теории среднего уровня, о которых мечтают, как о спасении, многие наши исследователи. Однако сами по себе такие методы нередко бесплодны или недостоверны. Зато в общей системе науки от конкретики в виде историографических изысканий до глобальной теории (в виде философии и социологии истории, теории исторического процесса), а также общей и специальной методологии, связывающей все уровни и аспекты, они обретают очень большое значение.

²⁷¹ Наверняка тогда удастся применить и культурологические, и математические, и аксиологические, и многие другие методы анализа, которые будут не исключать, а дополнять друг друга.

Поэтому альтернативы поиску способов интеграции разных идей и методов, конкретизации общих положений до необходимых подробностей, ухода от абсолютных подходов к относительным с правильной методологией переходов и т. д. я не вижу. Такого плана исследования в отдельных направлениях появляются²⁷². И это вселяет надежду. Но их не только мало, они к тому же не имеют общефилософских обоснований, без которых поиск идет на ощупь. Хотелось бы верить, что предпринятая мной попытка наметить принципы и пути такого развития все же заставит кого-то задуматься над жизненно важной для философии и теории истории проблемой.

Разумеется, я отдаю себе отчет, что исследования, о которых сказано выше, могут пойти по-настоящему успешно только, если будет социальный заказ общества (как это происходило с экономикой, социологией, психологией и другими науками). Но будет ли такой заказ, в значительной мере зависит и от того, что собственно способна предложить социальная наука.

²⁷² К числу таких относится, например, работа Н. С. Розова «Структура цивилизации...».